

9(с) 4
Б 87

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

№ 9

1971

Петр БРАЙКО

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

ЖЕНЩИНА И СМЕРТЬ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 9

Петр БРАЙКО

ЖЕНЩИНА И СМЕРТЬ

ПАРТИЗАНСКИЕ БЫЛИ

Издательство «ПРАВДА»

Москва, 1971

9(c) VII

587

Петр БРАЙКО

Петр Евсеевич Брайко родился в 1918 году на Черниговщине в крестьянской семье. Окончил педучилище, потом Московское военное пограничное училище.

Отечественная война захватила его на западной границе, под Львовом. Почти всю войну сражался на оккупированной врагом территории, в партизанском соединении дважды Героя Советского Союза С. А. Ковпака. За особые заслуги в развитии партизанского движения на Украине Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 августа 1944 года ему присвоено звание Героя Советского Союза.

После Отечественной войны окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе и продолжал службу в войсках. Одновременно пробовал свои силы в литературе. Его очерки и документальные рассказы публиковались в «Красной звезде», «Известиях», «Комсомольской правде», «Смене», «Дружбе народов», «Пограничнике» и других газетах и журналах.

В 1960 году уволился в запас. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького Союза писателей СССР. В настоящее время занимается литературным трудом.

Предлагаемые читателю художественные очерки рассказывают о боевом содружестве советских и польских людей, о нерушимой дружбе, рожденной в боях против фашизма.

ВЕРНЫЙ ДРУГ

(Рассказ-быль)

Стоит только встретиться двум старым воякам, и они тут же начинают вспоминать о войне. Сначала я было думал, что это только у нас, у советских людей, где нет такой семьи, в которой бы кто-нибудь не участвовал в великой битве с врагом.

Но вот в октябре прошлого года, в двадцатипятилетний юбилей Войска Польского, поехал я к своим братьям по оружию — полякам — и вижу, там то же самое. Только мы вышли из вагона, как сразу послышалось:

— А помнишь, как вы зажали фрицев в бывшем имении барона Ватмана?

— Конечно, помню!..

И пошло и пошло! И тут уж никакая сила не в состоянии остановить или изменить этот разговор. Никакие громы и молнии! Даже хорошая выпивка с закуской!.. Что поделаешь? Наверное, эти воспоминания стали потребностью для тех, кто проливал кровь за свое отечество. Рассказать есть о чем у каждого.

И хотя все мы, боевые побратимы, считаем, что знаем друг о друге все или почти все, на поверку оказывается: нет, далеко не так!

Вот, например, я думал, что знаю о Максе Собесяке все, весь его жизненный путь, как собственный. Фактически мы, ковпаковцы, были рядом с польскими партизанами, воевали, случалось, на одной земле. И в мемуарном жанре Собесяк представлен достаточно емко. Две книги его, «Земля горит» и «Бригада Грюнвальда», не только опубликованы в Польше, но и переведены на русский язык.

Да и кто из партизан, воевавших в годы гитлеровской оккупации на территории Польши, не знает лихого «Макса», ныне контр-адмирала, народного героя Польши Йозефа Собесяка!..

Партизанить начал Макс у нас, на Ковельщине. Потом ушел с отрядом в Польшу. Там, на родной земле, Собесяк вырос в крупного партизанского полководца... А ныне он заместитель начальника Военной академии Войска Польского, учит смену, молодых офицеров, нелегкой науке побеждать.

Впрочем, для всех старых боевых товарищей он остался все тем же простым и добрым Максом.

Но какой это замечательный человек и какой верный друг, я понял только теперь, в эту встречу. Едва мы заговорили о том, как много, на долгие-долгие годы жизни, дает человеку боевая дружба, он вздохнул и сказал с грустью:

— Вот прошло уже больше четверти века, а я все еще чувствую себя в долгу перед некоторыми своими товарищами. Особенно перед одним человеком... До сих пор жалко его, будто вчера это случилось...— Он каким-то отчаянным движением рубанул воздух рукой. Потом на секунду задумался, как бы что-то припоминая, и сказал:

— Был у меня в отряде один редкостный человечина — Гриша... Григорий Лукьянчук... Бывший польский улан. Высокий, широкоплечий, чернобровый. Словом, красавец! Рубака и отчаянный, удивительно ловкий разведчик... В отряд пришел Лукьянчук с группой из Ковельской тюрьмы, куда его бросило гестапо сразу после прихода гитлеровцев в Маневичи... Однажды ночью Гриша заманил в камеру надзирателя, оглушил его, переоделся в немецкую форму, пробрался к дежурному, пристукнул и того, захватил оружие, ключи, освободил товарищей — и все вместе на машине гестапо укатили в лес...

— Да, парень, видать, был лихой, — вырвалось у меня.

— Ну! — воскликнул Макс, вскинув при этом вверх большой палец правой руки. — Парень был что надо!.. Коммунистом стал еще при Пилсудском. Потому его гестапо сразу и захватило... С первых дней Гриша стал моим лучшим помощником.

И вдруг в глазах Макса мелькнула грусть.

— Да... Так вот, значит, в октябре сорок второго года пошел я с группой на одно задание. Пошел со мной и Григорий. И надо же, остановились мы недалеко, километрах в пяти от села Маневичи, на хуторах, на отдых. А в этом селе Маневичи жила семья Григория Лукьянчука. И вот вечером (это было второго октября — тот день я запомнил на всю жизнь) Гриша говорит мне:

— Товарищ командир, разрешите зайти домой, повидать жену, детишек...

У него их было трое: две девочки и крохотный, десятимесячный сын. Лукьянчук сына своего еще даже не видел. Только от людей знал, что родился мальчик.

— Это всего в пяти километрах отсюда, — говорит мне Гриша. — Разрешите семью проведать, товарищ командир?

Не хотелось его отпускать: мы должны были утром идти дальше, и я боялся, что он может задержаться. Но он настойчиво просил.

— Ладно,— говорю,— иди. Но утром чтобы был на месте.
— Есть явиться утром! Буду!..— отвечает.

И ушел.

Отпустил я его и чувствую: так тяжело на сердце стало. Всю ночь мне не спалось.

Наступило утро, пора в путь. А мы ждем, ждем своего Лукьянчука, уже терпение у всех лопается, а его все нет!.. Двенадцать часов уже — полдень, а Гриши нет. «Ну,— думаю,— задам я тебе, когда придешь, чтоб в другой раз отряд мне не задерживал!..»

Часа в два вижу: плетется он, еле ноги переставляет, лица на нем нет. Глаза запали глубоко-глубоко, и светится в них, словно звезда в колодце, какой-то странный, отчаянный огонек.

«Вот,— думаю,— дурень! Я тебе сейчас мозги промою! Я тебе покажу, как не выполнять приказ!.. Шлепнуть за такое не грех: тридцать человек здесь из-за тебя подвергаются опасности, пока ты там миловался с женой и плевал на всех!..»

А Гриша еле добрал до меня да как заревет вдруг, будто малый ребенок. А было ему тогда уже тридцать шесть лет. Я еще ни разу, даже когда ух как солоно приходилось, ни слезинки у него на глазах не видел.

Тут я сразу позабыл все, что думал перед этим о нем плохого. Вижу, в отчаянии человек.

— Что с тобой, Гриша? — спрашиваю.— Что случилось?

А он упал, катается по траве и ревет.

Еле-еле его немножко успокоили, в чувство привели. Рассказывай, говорим, толком.

— Ироды!.. Звери!..— простонал он и опять весь затрясся.

— Да что случилось? — допытывался я.

Кое-как справился он с собой, взял себя наконец в руки.

— Извините, товарищ командир... Что хотите делайте со мной. Раньше не мог!

— Да что же все-таки случилось? Расскажи толком.

— Потерял сознание,— говорит.

...И тут рассказал он все, что с ним в родной деревне приключилось...

— Пришел я в свою деревню ночью. Никто не видел меня. Огородами пробрался в свои Маневичи. Вошел наконец в родную хату!.. Увидел детишек, перецеловал всех. Посидел с ними. Потом уложили мы детей спать. А сами с женой пошли в клуню. В хате-то всего одна горенка — тесно. И надо же обо всем переговорить, да так, чтобы не мешать детям спать...

Ушла жена от меня, из клуни, почти на рассвете.

— Пойду,— говорит,— теперь буду караулить, а то утром могут нагрянуть полицейские.

А я от усталости и от того, что всю ночь мы с ней, как безумные, обнимали друг друга, уснул мертвым сном.

Утром разбудила жена. Еле добудилась.

— Гриша, иди скорее,— просит.— Будем завтракать. Да и уходить тебе надо... А то... не ровен час, что-то тревожно у меня на душе.

— Иду,— сказал я, а сам голову поднять не могу.

Сказал и тут же снова уснул.

Потом разбудила меня меньшая, семилетняя дочь:

— Папа, иди, мама снидання зварила, зовет кушать.

— Зараз иду,— сказал я ей.

Она побежала обратно к матери, а я опять уснул.

Проснулся я от выстрела. Вскочил, смотрю сквозь плетеную стену клуни, что там случилось. Глядь, а у калитки стоит человек тридцать полицейских из райцентра, из Маневичей то есть, и сам комендант полиции — Николай Слипчук... Я уже знал от жены о его злодействах. Ночью она рассказала мне, что этот самый Слипчук натворил вчера в Маневичах...

— Там есть местечко Маневичи, райцентр то есть, и село Маневичи, километрах в десяти—пятнадцати на север от местечка. Вот в этом селе и жила семья Гриши Лукьянчука,— пояснил мне Макс, заметив в моих глазах недоумение.— Так вот второго октября в местечке Маневичи этот Слипчук лично расстрелял больше тысячи человек народа, в том числе все партизанские семьи...

Собесяк вздохнул:

— Я его хорошо знаю, этого гада. Бывший польский учитель.

— Почему польский? — спросил я, решив, что Макс оговорился: судя по фамилии, Слипчук — украинец.

— Да, именно польский учитель,— подтвердил Собесяк.— Ведь Маневический район тогда, до тридцать девятого года, входил в состав Польши и Слипчук работал в польской школе. Не думал я, что учитель может быть таким человеконенавистником!

Лицо моего друга брезгливо скривилось.

— Прямо оборотень какой-то!.. Только в Маневичи вступили гитлеровцы, он первый пошел к ним. А они назначили его комендантом полиции...

В глазах Собесяка вспыхнул озорной огонек.

— Он и меня арестовывал осенью сорок первого года... Нас взяли двоих в Маневичах — меня и Яна Войтовича — за деятельность против гитлеровцев,— пояснил Макс.— По указанию гестапо нас должны были доставить в Ковель. А железная дорога Сарны—Ковель тогда не работала: Советская Армия, от-

ступая, взорвала мосты на реках Стырь и Стоход. Поэтому из Маневич до Повурска нас везли на повозке. Полицаев было шесть человек. К вечеру лошади пристали. В селе Гулевичи полицаи решили их заменить. Узнав об этом, мы с Яном задумали бежать. Когда полицейские нашли свежих лошадей и стали выводить нас из хаты, было уже темно. Воспользовавшись этим, я со всей силы двинул Слипчука в челюсть. Он упал. Войтович двинул другого. Тот тоже свалился. Я рванул в одну сторону, Ян Войтович — в другую. Полицаи, стреляя на ходу, кинулись за нами. Мне удалось скрыться. А Войтовича схватили, отвезли в Ковель и там повесили... Многих хороших людей, патриотов отправил Слипчук на тот свет.

— А где теперь этот Слипчук? — поинтересовался я. — Не пришлось больше встречаться?

— Нет, не удалось, — ответил Макс. — Долго мы охотились за ним, но поймать не смогли. Хитрый был, подлец! Гитлеровцы его железным крестом даже наградили за его зверства. А когда удирали из района, он тоже драпанул с ними, сначала в Люблин. Там работал в гестапо, а из Люблина — в Германию... Сейчас, говорят, живет где-то в Канаде. Овечкой, небось, прикидывается...

По слезам, которые блеснули у Собесяка на глазах, я понял, что он нарочно отвлекся от рассказа о Григории Лукьянчуке.

И только сейчас, когда Собесяк справился с собой, он продолжал.

— Так вот, значит, — сказал Григорий Лукьянчук, — смотрю, аж у калитки стоит моя жена, рядом с ней лежит убитая теща. Жена стоит с грудным ребенком на руках, а рядом семилетняя дочка наша, та самая, что приходила меня будить. Старшая дочь, Надя, ей было тогда уже десять лет, куда-то рано утром ушла, и ее не было, к счастью, дома...

И вот я слышу звериный голос этого коменданта полиции Слипчука:

«Спрашиваю тебя второй раз: где муж?!»

«Я же сказала, — отвечает ему моя жена, — как вы его арестовали и забрали, с тех пор его больше не видела».

«Ах, не видела?!» — заорал он и выстрелил из пистолета в моего маленького сына, которого жена держала на руках.

Сначала, когда Слипчук допрашивал жену и тряс перед ее лицом парабеллумом, я хотел выстрелить в него из винтовки. Но, когда он, опередив меня, выстрелил из пистолета в малого ребенка, в малютку, я оцепенел... Я вдруг почувствовал, что не могу поднять руку, шевельнуть пальцем.словно все мускулы моего тела окаменели...

Смотрю, а жена с ребенком на руках кинулась на коменданта.

Тогда он выстрелил в нее. Упала и жена.

И я все это вижу, хочу выстрелить, но не могу, не могу шевельнуть ни одним мускулом.

«Где отец?» — закричал Слипчук на семилетнюю мою дочь.

«Вам же сказала мама, что вы его сами забрали... И больше он не приходил домой...»

Это сказала моя бедная девочка, та самая девочка, которая недавно приходила звать меня завтракать.

Тогда этот зверь выстрелил и в нее... А я стою и не могу шевельнуться.

Слипчук вытер ладонью пот с лица, повернулся и ушел. За ним ушли и его тридцать бандитов.

Не знаю, сколько я так стоял. Очнулся я на сене — лежащим. Сразу вспомнил все. Поднялся. Посмотрел — никого вокруг.

Вышел я из клуни, перенес тещу, жену и детей в сарай. Застрелил лошадь, корову, свинью, зажег сарай, хату, клуню и ушел... — Он снова зарыдал, как ребенок. — Извините, что опоздал. Накажите...

— Долго после этого страшного дня ходил Григорий как неприкаянный, — сказал Собесяк. — Часто плакал. Уйдет от нас подальше, чтоб никто не видел, и плачет... Потом ожил немного... Отряд наш между тем вырос. Мы уже начали по-настоящему бить фашистов.

Однажды пришел ко мне Григорий и говорит:

— Пошлите меня на задание.

А он был мастак на все руки. Надо тихо снять часового — пожалуйста. Подкрадется — раз, и готово, пикнуть даже не успеет фриц. Надо языка достать — тоже достанет сразу. Потом наловчился он и эшелоны рвать. Никогда не возвращался, не выполнив задания...

Собесяк снова вздохнул:

— Жалко, не дожил Гриша до победы. И он и его брат, который тоже был у нас в отряде... оба погибли.

Погиб Гриша в деревне Колки зимой сорок третьего года. Пошел с группой на диверсию. Свалили два эшелона. Возвращались уже обратно и завернули в деревню Колки. А в село нагрянули полицаи с немцами. У Гриши всего пять человек. Карателей раз в тридцать больше. Шесть часов пятерка партизан вела неравный бой. Чуть не всех фашистов переколотили. Но и сами полегли.. Так погибали наши люди...

— А где же Надя, старшая дочь Лукьянчука? — поинтересовался я.

— Надя? Жива. Нашел я ее,— уже совсем другим, сразу повеселевшим голосом отвечал Макс Собесяк.— И вы знаете, как дело было?.. Пригласили меня в пятьдесят восьмом году к вам, в Советский Союз. Говорят: поедem в Киев, в Ленинград, самые красивые города вам покажем. А я им отвечаю: не надо мне никаких экскурсий, никуда не поеду, только бы Маневичи посмотреть!..

А ваши товарищи спрашивают:

— Что за Маневичи? А для чего они вам нужны?

— Хочу в те места, где я воевал!..

— А, тогда другое дело,— согласились сразу.— Пожалуйста! Вам двух дней на это хватит?

Думаю: ладно, хватит. Приехал, спрашиваю:

— До войны в вашем селе жила семья Григория Лукьянчука?..

— Да,— говорят,— жили такие. Хорошие были люди. Только, когда пришли немцы, Григория схватили и увезли в Ковель. С тех пор о нем никто ничего не знает: где он и что с ним? А позже, весной сорок второго года, полиция расстреляла всю его семью. Уцелела чудом только одна девочка. Ее в то время не было дома.

— А где она теперь? Жива?

— Жива,— отвечают.— Только живет теперь в другой деревне со своей старой бабушкой — матерью Григория. Живут вдвоем. Надя работает в колхозе и бабушку досматривает. Нелегко этой дивчине пришлось...

Послушал я их — и прямо к секретарю райкома партии. Рассказал ему всю историю. А от секретаря — в Киев, в Президиум Верховного Совета Украины, к самому Ковпаку. Пришел к нему и говорю:

— Надо помочь им, Сидор Артемович.

— Конечно, поможем! — выслушав меня, ответил дед Ковпак, добавил сердито: — У нас еще часто буває так, шо некоторые нахалы получают все, а именно такие люди, которые имеют на это право, по своей скромности молчат, не требуют для себя ничего!.. Обязательно поможем!..

Хороший, умный человек был ваш дед Ковпак,— заключил Макс с искренним восхищением. И добавил:

— Я уехал в Польшу. А через некоторое время получил письмо от этой Нади, которую я так и не смог тогда повидать.

«Дорогой дядя Макс, здравствуйте! — писала она.— Я никогда вас не видела и не знаю. Но то, что вы сделали для меня, для нас с бабушкой, дает мне право так называть вас. Не обижайтесь... Мне кажется, вы самый хороший человек на свете!

Вы мне как родной отец... Уж и не знаю, как вас благодарить? Очень прошу вас: приезжайте к нам...»

Вскоре я снова приехал в Советский Союз. И, конечно, первым делом отправился в Маневический район, к Наде в гости. Сдет я был, как сейчас, в гражданский костюм. А что я из-за границы, на мне не написано. (А надо заметить: Макс Собесяк отлично говорит и по-украински и по-русски).

— Здравствуй, Надя! — говорю ей.

Она смотрит на меня удивленно.

— Здравствуйте, хоть я вас и не знаю.

А я смотрю на нее и люблюсь: до чего на отца своего похожа! И глаза его и улыбка... И волосы такие же черные. Ей тогда уже было, по-моему, двадцать девять лет.

— А кто ж вы будете? — спрашивает она у меня.

— Я Макс Собесяк.

Она как стояла, так и упала ко мне на грудь. Обняла, целует. А губы шепчут:

— Вот спасибо, что помните!.. Будто с отцом родным сейчас повстречалась!.. А то ведь люди не все знают, не все помнят, кем он был и за что жизнь свою отдал. Партизанская судьба такая, что иной раз, кроме темной ночи да молчаливого леса, никаких свидетелей нет!..

Тут и у меня слезы потекли...

— Успокойся, дочка,— говорю.— Я такого человека, как Григорий Лукьянчук, никогда не забуду!.. Он был мне братом на войне.

Макс вдруг улыбнулся, украдкой вытерев глаза.

— Вот так мы породнились с дочкой нашего Григория... Вскоре после этой встречи она прислала мне посылку: белых сушеных грибов, черники и вышитый рушник — на счастье... Этот рушник я храню теперь как дорогую реликвию.

Макс на секунду задумался, а потом добавил:

— И каждый раз, когда я вспоминаю о семье Гриши, у меня возникает одна и та же мысль... Какая же была сила мужества у наших женщин и детей, если они вот так, добровольно, шли на пытки и казнь, лишь бы помочь своим защитникам — отцам, братьям, мужьям!..— В глазах его опять мелькнула грусть.— Осталась от большой, дружной семьи Лукьянчуков одна Надя, как молодая березка в иссеченном осколками и пулями лесу... И все-таки лес этот ожил, растет, подымается все выше и выше... Такова сила жизни!

А я слушал этого мужественного, немолодого уже, вечно занятого важными делами человека и, вспоминая, как он разыскивал дочь своего боевого друга Григория, думал: «Так может поступить только настоящий друг».

ЖЕНЩИНА И СМЕРТЬ

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 января 1969 года польские граждане Казимера Цимбал и Францишек Цимбал награждены орденом Отечественной Войны II степени. Францишек Цимбал удостоен награды посмертно.

Это произошло в сорок четвертом году, когда советские войска с ходу форсировали Вислу и захватили плацдарм на западном берегу великой польской реки. Немцы непрерывно контратаковали их, пытаясь сбросить в воду.

Во время одной из таких контратак утром 6 августа три советских танка, преследуя отступающего противника, прорвали оборону гитлеровцев. Вражеское командование сумело закрыть образовавшуюся брешь. Но русские танкисты не растерялись, рванули дальше на запад и начали утюжить тылы захватчиков.

У фашистов поднялась паника. Их штабы забили тревогу. Дело дошло до командующего армией. Командующий приказал бросить всю имеющуюся в резерве артиллерию на уничтожение прорвавшихся танков. У деревни Бодзыхув, Опатувского повиту, разыгралась схватка трех советских танков с армейским артиллерийским резервом немцев. Фашисты обрушили на танки страшный огонь. Поле вздыбилось темными фонтанами...

Все три танка были уничтожены. Удалось спастись только одному экипажу. Танкисты, захватив с собой оружие, скрылись в мелком кустарнике. К вечеру они добрались до какого-то одиноко стоящего, заброшенного сарая, залезли на чердак с сеном и решили там заночевать.

Примерно в это же время начальник немецкого армейского артиллерийского резерва доложил командующему, что русские танки уничтожены, но один экипаж скрылся.

Тот приказал взять русских живыми.

На ноги была поднята вся армейская жандармерия. Эсэсовцы были уверены: далеко советские танкисты не уйдут. К ночи лес был блокирован войсками. А рано утром оккупанты начали проческу, подняв по обыкновению отчаянную стрельбу. Она-то и разбудила танкистов. Они вылезли из одинокого сарая, где их легко было найти при проческе леса, и заскочили в первый попавшийся двор ближайшего села, надеясь, что местные жители их как-нибудь укроют.

Хозяин (это был Францишек Цимбал) хлопотал у конного привода молотилки. Вдруг он увидел: во двор вошло четверо вооруженных людей. По их комбинезонам, измазанным маслом, и

оружию Францишек понял: перед ним русские танкисты. Прислушиваясь к стрельбе, они настороженно огляделись, и один из них сказал по-польски:

— Дзень добжий, пан!

— Не пан я, а ваш товажиш! — Францишек ткнул себя пальцем в грудь. — То-ва-жиш... Розумеете?

— То-ва-жиш! Понятно... Спрячь нас, товарищ!

Францишек и без просьбы понимал, чего от него хотят русские, и лихорадочно обдумывал, где их спрятать. В этот момент на пороге дома появилась Казимера.

— Русские солдаты, — сказал Францишек жене. — Надо спрятать их, чтобы гитлеровцы не нашли. Но где?..

Совсем близко затрещали автоматы. Казимера вздрогнула.

— В картофельной яме, — торопливо сказала она и решительно направилась под навес.

За ней последовали Францишек и трое танкистов. Четвертый, крикнув «Я отвлеку!», выскочил на улицу...

Одним движением хозяин отбросил в сторону лежавшие на земле доски, сдвинул сапогом мусор, поднял деревянный люк и указал кивком головы на темневшую в глубине квадратную дыру:

— Там вас никто не найдет.

Танкисты молча переглянулись и без колебаний спустились в люк.

Едва Цимбалы успели положить доски на место и присыпать их мусором, как совсем рядом опять застрочили немецкие автоматы.

Супруги поспешили в дом. Надо было хоть немного прийти в себя.

Через минуту во двор ворвалось около десятка фашистов. С криком «рус швайн» они бросились в сарай, потом в дом.

— Где рус зольдат? — орали они, направляя дула автоматов в грудь Францишека, Казимеры и ее старой матери, сидевшей в постели вместе с перепуганными детишками.

— Нет, никого мы не видели, — качал головой Францишек.

Казимера, оцепенев, молча смотрела то на фашистов, то на своих детей, чувствуя, как подкашиваются у нее ноги.

— Я спра-ши-валь: где рус зольдат?! — хрипел здоровенный эсэсовец, надвигаясь с автоматом на женщину. — Где?!

Детишки (их было четверо, все девочки) заплакали, прижимаясь к бабушке, как цыплята к наседке. А когда гитлеровец подошел вплотную к кровати и с искаженным от злобы лицом наклонился к ним, касаясь холодным дулом автомата голого плеча маленькой Ядвиги, та закричала в отчаянии:

— Ма-амця-а!..

Немец неожиданно вздрогнул от этого крика, выпрямился и отступил назад, опустив автомат. Солдаты, о чем-то заспорив, направились к выходу.

Едва дверь за ними закрылась, Казимера, как подкошенная, упала на стул, но тут же рванулась к окну. Францишек стал с ней рядом.

В эти минуты они не слышали ничего: ни плача детей, ни тяжелых солдатских шагов на чердаке. Все внимание обоих было приковано к яме, в которой скрывались русские.

Вот два дюжих немца остановились на досках, сложенных над ямой. Внимательно смотрят себе под ноги. «Погибли мы все!» — мелькнуло в голове у Казимеры, и она закрыла руками глаза.

Хорошо, что гитлеровцы ушли из комнаты и не видели, в каком состоянии были хозяева. Когда Казимера собралась с силами и снова открыла глаза, гитлеровцы уже вылезали из погреба. «О Езус, Мария!» — простонала она.

Вскоре вся свора собралась на середине двора. Погалдев несколько минут, они побежали куда-то. Хозяева вышли во двор.

— Ну, слава богу! Кажется, обошлось,— сказал Францишек жене.

— Как будто пронесло,— послышался русский говор в яме. «Значит, им все слышно!» — поняла Казимера.

— Рано ты радуешься,— ответила она мужу громко и отчетливо.— Эти убийцы могут прийти еще... Вот когда они уйдут совсем из нашей вески, тогда другое дело.

Фашисты обшарили всю деревню, но на этом не успокоились. Какое-то собачье чутье подсказывало им, что советские танкисты находятся где-то здесь. И немцы решили остаться в Воле Груецкой. Только Казимера хотела подойти к картофельной яме, в которой прятались танкисты, к Цимбалам снова ввалилось целое отделение гитлеровцев.

— Пани, готовь хороши эссен! Млеко, яйки, шпик! — приказал хозяйке унтер-офицер с длинным утиным носом и наглым взглядом.— Будем тут квартир!

Она ждала всего, только не этого.

— Добже,— ответила Казимера тихо и направилась под навес, к погребу.

Гитлеровец пошел вслед за ней.

«Неужели будут здесь жить, проклятые? Как же теперь? Хорошо, что я успела хоть еду передать русским. Надо их как-то предупредить»,— мелькнула у нее мысль. И она сказала нарочно погромче, подходя к погребу:

— Ничего, не беспокойтесь, что-нибудь придумаем.

— Вас, вас? Что? — переспросил немец.

— Я говорю: что-нибудь соображу... вам покушать.

— О, гут, гут!.. Хорошо покушайте, — обрадовался он, спускаясь за ней в погреб.

Схватив две крынки молока, он вернулся к своим приятелям. В руках у всех появились плоские солдатские кружки.

Выпив молоко, трое с сержантом сразу куда-то ушли. Четверо, оставив часового, улеглись спать.

Под вечер унтер-офицер возвратился один. А как только стемнело, незаметно ушли все. «Неужели оставят нас в покое?» — боялись поверить хозяева.

Цимбалы решили осторожно проверить, куда девались немцы. Оказалось, гитлеровцы усиленно охраняли усадьбу снаружи. А рано утром они незаметно появились во дворе.

Так продолжалось несколько суток.

— Что же будем делать? — спросил Францишек жену.

— Надо ночью передать русским что-нибудь покушать, — предложила она. — А там видно будет...

В ту же ночь передали танкистам еду и несколько свечей.

На следующий день всех жителей Воли Груецкой согнали в школу. И толстый в золотом пенсне майор объявил через переводчика: «Нам известно, что вы скрываете советских солдат. Если в течение суток вы не выдадите их нам, я отправлю всех мужчин в концлагерь! Понятно?»

Крестьяне молчали...

Разумеется, и после этого ультиматума никто не выдал танкистов. Тогда захватчики отправили в концлагерь всех мужчин. Увезли и Францишека.

Оставшаяся с матерью-старушкой и четырьмя детьми Казимера Цимбал не сдавалась. Поминутно рискуя жизнью своей семьи, она продолжала оберегать жизнь радецких жолнежов. Ухитрялась по-прежнему передавать им еду и свечи, беспокоясь, чтобы танкисты не ослепли от постоянной темноты. А однажды она умудрилась даже выпустить их на минутную «прогулку».

— Спасибо вам, хозяйка, что спасли нас, — поблагодарил старший из танкистов. — Мы вас до гроба не забудем. Пойдемте, хлопцы!..

— Куда вы пойдете?! — перепугалась насмерть Казимера. — Дом оцеплен. Всю ночь ходят вокруг него швабы. В веске тоже их бардзо много. И сами погибнете и нас всех погубите! Посидите еще немного... — умоляла она.

Старший из танкистов твердил свое:

— Хозяйка, больше мы не можем рисковать вашей жизнью

и жизнью ваших детей... А может, и безопасностью всей деревни.

— Ничего, дорогие мои, бог нам поможет, он не допустит до этого...— ответила набожная Казимера.

— Все равно мы не можем здесь сидеть вечно. Наше место на фронте!

— Куда вы?!— опять повторила в страхе Казимера.— Деревня окружена гитлеровцами. Вас сразу схватят. Погубите себя и нас...

И танкисты решили выждать.

Но утром в Волю Груецку прибыло столько войск, что негде стало и курице клюнуть. Носатый унтер-офицер куда-то увел свое отделение, а во двор Цимбалов заехал целый взвод конной жандармерии. И будто назло жандармы решили спать не в доме, а на свежем воздухе, под навесом,— как раз над тем люком, который являлся единственным выходом из картофельной ямы, где скрывались русские танкисты.

Гитлеровцы натаскали под навес сена, покрыли сено одеялами, простынями и прочими «трофеями», награбленными у населения, и валялись в своей «спальне» непрерывно. Одни, отоспавшись, куда-то уходили, другие возвращались на их место... Тут же во дворе у наскоро смастеренной коновязи стояли их лошади, уничтожая необмолоченный хозяйский овес.

Положение танкистов стало совсем безвыходным: они оказались в западне. Подопечные Казимеры были полностью изолированы от нее. И Казимеру охватывало отчаяние при мысли, что она ничем не может помочь им.

Вдруг ей в голову пришла мысль: ведь под этим же навесом, совсем рядом, всего в каких-нибудь восьмидесяти сантиметрах от ямы, вход в новый погреб. Надо во что бы то ни стало передать русским, пусть пророят дыру в погреб, решила она. Тогда можно будет передавать им еду. Но как об этом сообщить?

Улучив момент, когда все жандармы ушли из-под навеса — кто к лошадям, кто на улицу — дежурить,— Казимера приблизилась к убежищу танкистов.

— Товажиши, вы слышите мне? — спросила она, став между ямой и входом в погреб.

— Слышим,— отозвался слабый голос.

— Швабы куда-то поделись. Осталось трое и тоже отошли отсюда. Пока их нет, долбите дыру из ямы в погреб, прямо сюда, где я стою, здесь совсем рядом. Нет и метра. Вы поняли? Тогда я смогу из погреба передавать вам кушать.

— Поняли, хозяйка...

Жандармы возвратились под вечер. Трех караульных Казимера отвлекала весь день чем только могла, лишь бы

они не стояли над самым люком. К этому времени танкисты успели не только проделать окошечко в погреб, но и подкрепить-ся... Теперь хозяйка под любым предлогом могла каждый день зайти в погреб и положить на третью ступеньку лестницы еду, воду и свечу — в общем, все, что требовалось экипажу...

* * *

Обо всем этом мне рассказала сама Казимера Цимбал, с которой меня познакомили уже в послевоенные годы мои братья по оружию — польские партизаны.

— И долго вам пришлось прятать наших танкистов? — спросил я у старой Казимеры.

Она подняла на меня серые добрые и усталые глаза, вздохнула:

— Ой, долго... Пока радецки жолнежи не прогнали из вьески гитлеровцев и не взяли с собой моих танкистов... до двенадцатого стычня.

— До двенадцатого января сорок пятого года? Пять месяцев?!... — вырвалось у меня.

Простая польская женщина совершила подвиг, сама о том не подозревая.

— А фамилий этих танкистов вы не знаете? — поинтересовался я.

— Нет.— Казимера Цимбал пожала плечами.— Помню только, что одного из них капитаном звали. А по имени,— спохватилась она вдруг,— кажется, Кирилл! Да, Кирилл Обозный... Родом как будто из Киева.

— И после войны вы никогда не встречались с ними? — попытывался я.

— Не.. А хочется всех увидеть. Они для меня как родные дети!

И эта женщина имела право так говорить: за пять месяцев Казимера, ежеминутно рискуя собой и собственными детьми, чтобы скрыть от эсэсовцев экипаж подбитого советского танка, выстрадала во много раз больше, чем за всю свою нелегкую жизнь.

— Хотелось бы знать, что они живые!.. — Она опять вздохнула.

Мне и самому тоже захотелось узнать, где они, эти танкисты. Как сложилась их дальнейшая военная да и послевоенная судьба? Но попробуй разыщи их, если я даже фамилий толком не знаю!.. Кирилл Обозный, может быть, и не Кирилл или Кирилл, да не Обозный...

«А все-таки попробую найти»,— решил я про себя. И, возвратившись из Польской Народной Республики домой, в Москву, я в тот же день послал запросы во все концы: в Киев — областному военкому, в Центральный архив Советской Армии... словом, во все учреждения, которые, как мне казалось, обязательно должны были найти капитана Обозного, куда бы ни занесло его военной бурей...

Ждать пришлось долго. А когда ответы на мои запросы наконец пришли, отовсюду мне сообщали: «не проживает», «не числится», «сведений не имеем».

Признаться, я потерял было надежду...

— А ты расскажи об этой истории по радио,— посоветовали мне друзья.— Радио слушают миллионы людей! Вдруг кто-нибудь откликнется?

Но и после радиопередачи мне не удалось напасть на след Кирилла Обозного.

Тогда я решил возобновить поиски через газету.

Когда в «Красной звезде» опубликовали мой очерк «Кто вы, четыре танкиста?», я был в командировке. Все время в пути я думал: откликнутся ли герои? Ну, хотя бы один Обозный, фамилию которого запомнила Казимера!..

Вернувшись домой, я получил стопку писем. Среди них — одно из Львова, с незнакомым почерком, от какого-то Чернявского. «Может быть, это кто-то из моих танкистов?» — мелькнула слабая надежда. Быстро разорвал конверт, читаю:

«Уважаемый Петр Евсеевич! Прочел вашу статью «Кто вы, четыре танкиста?». И, знаете, долго не мог прийти в себя. Нет, я не из тех четырех танкистов, о которых вы пишете. В то время я был польским партизаном — начальником разведки седьмого Радомского круга «АЛ» (Армии Людовой) на Келецчизне. О беде, случившейся с четверьмя советскими танкистами, я узнал в тот же день, когда они были спрятаны Цимбалами. На следующую ночь мы послали к Цимбалам своих связанных, чтобы забрать попавших в беду танкистов в безопасное место. Но было поздно: фашисты уже заняли Волю Груецку и расквартировали в доме Цимбалов целый взвод эсэсовцев... Да, все так и было, как вам рассказали. А когда пришла наша армия, я вместе с танкистами явился к коменданту города Островец. Ни капитану Обозному, ни мне никто не верил, что такое могло быть.

Сразу после войны я некоторое время переписывался с Обозным К. Г. Но потом как-то эта связь оборвалась. А вот его письма и фотографии сохранились по сей день. Сохранился и его последний адрес, г. Сумы, ул. Труда, 3. Он тогда ра-

ботал заместителем начальника облуправления гострудрезервов. Вот все, что могу сообщить об этом факте. Еще раз подтверждаю подлинность изложенных в статье фактов. С сердечным приветом Т. Чернявский».

Долго не раздумывая, я послал письмо Обозному. Так, мол, и так, дорогой Кирилл Григорьевич, почитайте в «Красной звезде» за 9 сентября 1967 года статью «Кто вы, четыре танкиста?» и напишите мне, что вы можете к этому добавить. Особенно меня интересует, как сложилась ваша судьба потом, где закончили войну, чем занимаетесь теперь.

Одновременно для большей надежности (все-таки с тех пор, как прервалась переписка Чернявского с Обозным, прошло больше двадцати лет и адресат мог, даже не однажды, изменить место жительства) написал я письмо еще и в Сумской обком партии с просьбой разыскать Кирилла Обозного.

Тем временем пришла от Чернявского новая весточка. Он писал:

«Посылаю вам фото Кирилла Обозного. Есть у меня еще одно очень оригинальное фото, на котором Кирилл в своей военной форме и с той бородой, которую он вырастил в картофельной яме за полгода. Но в настоящее время этого фото у меня пока нет. Как только мне возвратят его, вышлю. Кроме того, могу сообщить еще следующее об Обозном: сразу после освобождения нашей армией Келецкого воеводства Кирилл со своими бойцами пришел ко мне. У меня тоже было человек шестнадцать советских партизан. 16 января сорок пятого года все мы пришли к коменданту города Островец капитану Попову. Бойцов всех в тот же день помыли, обмундировали и отправили в Действующую армию. А мы с Обозным остались при штабе 1-го Украинского фронта. Вскоре меня направили в разведуправление Советской Армии, в Москву. А Обозный остался. Так я с ним расстался. Остальные детали, правда, очень скудные, может быть, вам дополнит его письмо».

Но и пожелтевшее от времени письмо Кирилла Обозного, писанное еще в сентябре сорок шестого года и пересланное теперь мне Чернявским, не открыло ничего особо существенного. Из него я только и понял, что повоевать капитану Обозному уже больше не пришлось: он был очень слаб.

А еще недели через две после этой новости, в один и тот же день, я получил два письма, одно — свое собственное, посланное мною на имя Кирилла Обозного, с почтовой справкой «адресат не проживает»; в другом Сумской обком партии сообщал, что в городе Сумы, по улице Ленина, 49, кв. 2, проживает Обозный Кирилл Георгиевич, но что он не был командиром танкового экипажа и вообще в танковых частях не служил. Во

время Великой Отечественной войны Обозный К. Г. служил в 238-м истребительно-противотанковом полку 7-й истребительно-противотанковой бригады и работал ответственным секретарем партбюро полка.

Я совсем упал духом, все нити, ведущие к единственному уже реальному члену экипажа Кириллу Обозному, оборвались. «Неужели так и не удастся найти этого человека?» — думал я, анализируя все полученные мною письма. И вдруг вижу: в ответе Сумского обкома партии речь идет об Обозном Кирилле Георгиевиче, а я-то ищу Кирилла Григорьевича. Как говорится, Федот, да не тот!.. Дай-ка, думаю, напишу второе письмо в обком: попрошу, пусть поищут того, кто мне нужен.

И вдруг через неделю-полторы получаю ответ от самого Обозного. Сверяю адрес — тот же, который указан был в ответе инструктора обкома. Разрезаю конверт, читаю:

«Уважаемый товарищ Брайко! Спешу сообщить вам следующее. 4 ноября ко мне на квартиру пришел инструктор Сумского обкома партии и спросил:

— Кирилл Георгиевич, вы читали статью в «Красной звезде» за 9 сентября 1967 года «Кто вы, четыре танкиста?»?

Я ответил:

— Нет.

Тогда мы пошли в Дом партийного просвещения, попросили газету, зашли в кабинет заведующего и прочитали вслух, причем дважды. Инструктор спросил:

— Ну что, Кирилл Георгиевич?

Что я мог ответить, когда там все правда!..

Хочется вас обнять, расцеловать и многое, многое рассказать о той незабываемой трагедии, которую пришлось пережить, спасая имя 55-й танковой бригады.

У меня и сейчас на руках копия акта о сдаче военному коменданту города Островец капитану Попову спасенных нами документов. Кроме меня, его подписали два работника комендатуры и один танкист — Контарев Владимир Степанович. Жив ли он, не знаю. Желательно, чтобы был жив».

Наконец дело начало проясняться. Лучше всего, конечно, было бы взять командировку от газеты, поехать в Сумы и разобраться окончательно во всем на месте. Но, как нарочно, я заболел и поехать не мог. А чтобы убедиться, тот ли это Кирилл, я попросил Обозного прислать мне какой-нибудь фотоснимок военного времени. Через неделю я получил от него такое же фото, какое прислал мне и Чернявский. Несомненно, это был тот самый Кирилл Обозный, которого я так долго искал, — ответственный секретарь партбюро 238-го истребительно-противотанкового полка.

А в танковый экипаж зачислил его я сам, со слов Казимеры Цимбал. Или, если уж рассказывать все по порядку, тот Обозный попал к трем танкистам совсем случайно.

Война захватила Кирилла Георгиевича в Сумах. На следующий день, 23 июня, он ушел на фронт. Обозного назначили комиссаром одного из полевых артиллерийских складов. С этим складом докочевал он до знаменитой Курской дуги. Под Курском, готовясь к решительному удару по врагу, Советское Верховное Командование создавало тяжелые артиллерийские полки РКК. Кирилла Обозного, тогда уже гвардии капитана, направили в один из этих полков. Там его избрали секретарем партбюро. С этим полком, входившим в состав 40-й армии, капитан Обозный принял удар бронированных немецко-фашистских полчищ, перешедших 5 июля сорок третьего года в наступление под Курском. С этим полком перешел и в контрнаступление, освобождал свою родную Сумщину. Потом Кирилла Обозного послали на курсы усовершенствования офицерского состава. По окончании курсов направили в 7-ю истребительно-противотанковую бригаду. Там его опять избрали ответственным секретарем партбюро 238-го истребительно-противотанкового полка. С этим полком дошел Кирилл Георгиевич до Вислы, под Сандомир. Как раз там наши войска с ходу форсировали реку и захватили небольшой плацдарм на западном берегу. Туда-то и надо было срочно перебрасывать танки и артиллерию. Переправой войск руководил сам командующий третьей танковой армией генерал-полковник Рыбалко. Когда Кирилл Обозный с полком подъехал к переправе, послышалась команда:

— Истребители танков, к генералу Рыбалко!

Командир истребительно-противотанкового полка и капитан Обозный направились к командующему. Выслушав рапорт, генерал обрадовался:

— Вот молодцы! Вовремя подошли. Срочно переправляйте полк на тот берег.

А когда одна батарея оказалась за Вислой, командующий опять спросил у командира полка:

— Кто из ваших офицеров штаба поедет с батареей?

Кроме капитана Обозного, никого поблизости не было. И, естественно, Кирилл Георгиевич доложил:

— Товарищ генерал-полковник, гвардии капитан Обозный готов ехать с батареей и выполнить любое задание!

— Хорошо. Действуйте! — благословил Рыбалко.

Прямо с переправы вступили в бой. Немцы сопротивлялись отчаянно. Каждый дом, каждую огневую точку прихо-

дилось брать штурмом, метр за метром расширяя границы плацдарма.

В ночь на 5 августа наша уже изрядно поредевшая 55-я танковая бригада, усиленная несколькими батареями 238-го истребительно-противотанкового полка, получила новую задачу: прорваться в тыл противника и перерезать дорогу Островец—Сандомир. Поехал туда со своими батареями и секретарь партийного бюро полка гвардии капитан Обозный.

Подвижный отряд вышел в указанный район. Но утром 5 августа гитлеровское командование, подбросив крупные резервы, сумело окружить сравнительно небольшой отряд. У деревни Бодзыхув разыгрался неравный бой, длившийся до самого вечера,— до последнего танка, снаряда, патрона.

К вечеру немцам удалось охватить плотным кольцом горсточку храбрецов, оставшихся в живых. Чудом уцелевшие танкисты и артиллеристы стали пехотинцами. Они прорывались к лесу.

Метрах в двухстах от лесной опушки Кирилл Обозный вдруг услышал:

— Товарищ капитан, а что нам делать с этим?..

Он оглянулся и увидел трех танкистов, с трудом тащивших темно-серый железный ящик из-под восьмидесятимиллиметровых немецких мин.

— Что это? — спросил Обозный, подползая к ним.

— Секретные документы штаба танковой бригады,— ответил один из танкистов.— Куда их девать?

Капитан на мгновение задумался. «Документы? Зарыть их?.. Нет, это риск: документы не должны попасть в руки врага! Их надо любой ценой спасти...»

Обозный схватился за ящик, помогая уставшим танкистам, и скомандовал:

— За мной!

Вчетвером они бросились к лесу.

В это время впереди, совсем рядом, загрохотал гусеницами немецкий танк, ведя на ходу пулеметный огонь. Он мчался к опушке леса, отрезая отход советским бойцам. Капитан Обозный, первым заметивший вражескую машину, камнем упал на землю. За ним упали остальные. Спас их молодой кустарник. Хорошо, что на вражеском танке не было автоматчиков, и Кирилл с танкистами остались незамеченными. К тому же над полем уже сгущалась темнота — близилась ночь. Она-то и помогла капитану Обозному с танкистами незаметно выскользнуть из вражеского кольца.

Четверо храбрецов благополучно обогнули блокированный

немцами лесок и вскочили в соседний, более крупный массив.

Пройдя с полкилометра, танкисты наткнулись на какой-то сарай. Забрались на чердак. Решили отдохнуть, а на рассвете снова пробиваться к своим. Измотанные длительным, тяжким боем, уснули. Утром их разбудила автоматная трескотня. Она слышалась с трех сторон. Стало ясно: фашисты за ночь блокировали и этот лес, теперь прочесывают его.

Танкисты соскочили с чердака и бросились дальше, в глубь леса. Вскоре они увидели какой-то хутор. Заскочили в первый двор. Хозяева, перепуганные до смерти, умоляли их:

— Уйдите! Нас забьют швабы!

Долго раздумывать было некогда. Стрельба быстро приближалась, теперь она доносилась уже со всех сторон.

— Пошли! — скомандовал капитан.— Сюда!

Они опять перемахнули через плетень и вскочили в соседний двор. Там Францишек и Казимера Цимбал, рискуя своей жизнью, согласились спрятать советских воинов. Так, волей случая, каких немало было на войне, гвардии капитан Обозный оказался в составе танкового экипажа 55-й танковой бригады.

А дальше все было именно так, как рассказывала мне Казимера Цимбал. Только от волнения она забыла сообщить, что из четырех танкистов, забежавших к ней во двор, спаслись лишь трое. Четвертый (фамилии его Кирилл Георгиевич, к сожалению, так и не смог узнать) тут же бросился обратно на улицу, чтобы отвлечь врага и спасти своих боевых товарищей. Вражеские автоматы трещали совсем рядом.

Через несколько дней хозяйка принесла трем советским жолнежам горькую весть: фашисты схватили четвертого и страшно мучили его — все допытывались, где остальные... Но тот не сказал ничего. И фашисты повесили его.

Так же, как Кирилл Обозный, этот человек был зачислен в танковый экипаж волей случая. Товарищи не успели даже расспросить, кто он и откуда...

Сто пятьдесят шесть дней пришлось просидеть трем воинам в страшной, тесной, как могила, картофельной яме. Они не могли никуда скрыться, потому что сверху, на соломе, прикрывавшей входной люк, жили, спали, жрали, гоготали свои пьяные солдатские песни полсотни эсэсовцев — тех самых эсэсовцев, которые искали уцелевших советских танкистов.

Сто пятьдесят шесть дней не видели три воина белого света, не разгибались, почти совсем не двигались, не мылись и не брились, не меняли белья. Даже не разговаривали, потому что их могли в любую минуту услышать. Лишь изредка им удава-

лось немного поесть благодаря смелости и находчивости Казимеры, додумавшейся прокопать для этого специальное отверстие из погреба в картофельную яму...

Ценой таких нечеловеческих лишений удалось гвардии капитану Обозному и двум его товарищам спасти штабные документы танковой бригады, а заодно и семью Цимбалов и всю Волю Груецку. Одного громкого вздоха узников было достаточно, чтобы фашисты обнаружили их и начали чинить расправу над жителями деревни...

Такое испытание, какое выпало на долю Кирилла Георгиевича Обозного и двух его товарищей, Владимира Степановича Контарева и еще одного молодого танкиста, чье имя пока остается неизвестным, могли вынести только сильные натуры. Слабый человек, наверное, сошел бы с ума.

Как пригодился тогда капитану Обозному, который был намного старше двух танкистов, опыт революционной борьбы! Ведь Кирилл Георгиевич, оказывается, еще юношей, в 1918 году, когда войска немецкого кайзера оккупировали Украину, участвовал в Сумском подполье.

Конечно, на протяжении долгого вынужденного затворничества танкистам неоднократно приходила мысль: сделать подкоп и бежать. Порой, сидя при свече, согнувшись в три погибели над картой, они шепотом спорили. Ведь совершали же когда-то в старину путем подкопов бегство из крепостей! Но всякий раз танкисты невольно вспоминали о Казимере, которую неминуемо ждала мучительная смерть, так же как всех ее детей, так же как всех жителей деревни... даже в случае удачи танкистов, если бы они смогли, обессиленные, выбраться через погреб во двор и прорваться сквозь скопище немцев.

Польские партизаны, знавшие о положении, в котором оказались три советских танкиста, не могли им пока ничем помочь. Жертвовать жизнью сотен женщин и детей они были не в праве...

Только 12 января сорок пятого года ночью капитан Обозный, танкист Владимир Контарев и их безымянный, самый младший товарищ выбрались из своего укрытия. А Казимера Цимбал, простая труженица, совершившая великий подвиг доброты и самоотречения во имя победы над фашизмом, плакала от счастья, по-матерински обнимая каждого.

Жаль, что эта вторая встреча танкистов с их спасительницей была почти такой же короткой, как и первая, сто пятьдесят шесть дней тому назад. Ведь шла еще война, враг был совсем рядом. Начинался рассвет, и трем советским бойцам надо было до утра проскользнуть мимо вражеских застав, чтобы пробраться в польский партизанский штаб, где их с нетерпением

ем ждали новые боевые друзья: Трофим Илларионович Чернявский и еще многие-многие другие...

К сожалению, мне еще не удалось установить дальнейшую судьбу танкиста Владимира Степановича Контарева. Остается неизвестной даже фамилия третьего узника. И некому пока еще назвать последнего, быть может, самого отважного из этой четверки, кто ценой жизни спас своих товарищей. Хочется, чтобы никто из героев не был забыт...

Ну, а что касается мирного житья-бытья Кирилла Георгиевича Обозного, то он, проработав много лет в системе учебных заведений профессионально-технического образования в городе Сумы, недавно ушел на заслуженный отдых. Вспоминая о тяжелых испытаниях военных лет, отставной капитан Обозный написал Казимере Цимбал, точный адрес и фамилию которой, кстати сказать, тоже узнал только благодаря газете «Красная звезда»:

«Здравствуйте, никогда не забываемая спасительница Казимера! Извините, по отчеству не знаю... Я никогда не забуду вас и вашего мужа Францишека, ваш героический подвиг. На всем протяжении пребывания у вас мы слышали, как эсэсовцы издевались над вами и вашей семьей. Мы слышали, как они топтались над нашими головами, в особенности в тот день, когда они грабили картофель из погреба. Мы слышали, как они кричали на вас, требуя выдать нас: «Где рус зольдат?!»

Но вы терпели все издевательства ради спасения нашей жизни, а поскольку мы были вместе, то и своей. Бардзо дзинькую за все, пани!

Я узнал, что ваш муж Францишек умер. Очень жаль... Вечная ему память! Над ним тоже каждый день издевались фашисты. И еще я помню частый детский плач, когда вы, бывало, идете в погреб,— кто-нибудь из ребят бежит за вами непременно с плачем. Ваши дети каждый день видели издевательства над вами и тоже переживали страх. У них эсэсовцы отняли детскую радость и детский смех.

Уважаемая Казимера, если дети возле вас, передайте им мой сердечный привет и пожелание счастья в жизни. Пусть всегда им светит солнце радости!..

Я никогда не забуду 12 января: во дворе была необычная суматоха среди фашистов, и мы поняли, что они удирают. Так и было. Они удрали. А ночью пришли три партизана, и вы приблизились с ними к погребу, дали условный сигнал, который означал: опасности нет, можно разговаривать. Я отодвинул упор у отверстия, через которое вы подавали нам пищу, отозвался:

— Слухам, пани Казимера.

Вы мне сказали:

— Немцев нет. Удрали. К нам пришли партизаны. Вылезайте!

Один партизан отодвинул с крышки люка хворост, я отодвинул доски люка, и мы вылезли из ямы с завязанными глазами, боясь ослепнуть от света, несмотря на то, что была ночь.

Освоившись, мы проверили автоматы и пистолеты, я бардзо подзиньковав вас. Вы, Казимера, не стесняясь, что мы такие грязные, обняли нас и расцеловали, потом заплакали. Это был уже плач от счастья.

Так вы нас проводили на новую квартиру, к которой пришлось пробираться окольными путями, обходя населенные пункты, даже ползти по-пластунски, держа наготове оружие.

Уважаемая Казимера, если кто жив, чьих имен я не знаю, но с кем встречался, передайте им низкий поклон и привет. Привет всем-всем вашим землякам.

Желаю вам хорошего здоровья и много лет жизни.

Гвардии капитан Кирилл Георгиевич».

А вот что написала Кириллу Обозному его спасительница:

«Уважаемый и дорогой капитан! Много радости принесло ваше письмо, которое мы ждали столько лет. Радость наша тем больше, что нам теперь известно, один из вас, наших освободителей, попавших в беду во время боя, остался жив. Остальные ваши товарищи не дают знать о себе.

Мы с детьми часто вспоминаем страшные дни оккупации, когда вы трое сидели в яме, а буквально у вас над головой ходили гитлеровские солдаты.

Радуемся тому, что наш поступок принес пользу, что вы живете и можете радоваться жизни.

Мы исполнили свой долг.

Я уже стара, мне давно за семьдесят, и мое единственное желание — перед смертью увидеться с вами и теми, кто жив... О многом могли бы мы вспомнить!.. Я и теперь не могу спокойно думать о том страшном времени. Не знаю, откуда брались у меня тогда силы.

Помню, как-то эсэсовцы пришли с собакой, которая тут же начала бегать по всему двору и вынюхивать все. Она почуяла вас там, в яме. И начала копать землю, чтобы добраться до вас. Я это заметила сразу и в страхе хотела прогнать собаку, но это мне не удалось. Тогда я силой взяла ее за шиворот, пока меня никто не видел, удушила ее и вынесла в поле...

После освобождения польской земли от гитлеровцев муж мой дочери (ведь она уже стала взрослая) был назначен на пост начальника по делам госбезопасности в одном городе во-

зле Вроцлава. В тех местах работало много пленных немцев; они восстанавливали то, что разрушили сами. Среди этих пленных был один водитель-немец, который возил моего зятя на служебной машине.

Однажды муж моей дочери получил отпуск на несколько дней. Взял машину с тем водителем и приехал ко мне в Волю Груецку. Почему-то немец очень нервничал всю дорогу — это насторожило зятя. И вдруг, когда они приехали ко мне, оказалось, что этот немец был один из тех, которые пять месяцев жили тогда у нас, когда вы прятались в картофельной яме. Он тогда часто спрашивал, кому я готовила столько еды. И не только спрашивал, но и следил, куда я ее носила. На наше счастье, ему не удалось ничего пронюхать.

Когда я глянула теперь в лицо этого водителя, сразу узнала его. И начала ему все вспоминать!.. Немец задрожал от страха и стал оправдываться. Я ему ответила:

— Поляки имеют доброе сердце и не помнят зла. Но это вам урок!..

Дорогой капитан! Лучше всего, если бы вы могли к нам приехать. Сердечно приглашаю вас в Польшу, в наш дом. Вы познакомитесь с моей семьей.

Желаем много здоровья и большой радости в жизни.

Казимера с семьей».

* * *

Так путеводная ниточка, которую дала мне Казимера Цимбал, помогла найти сначала одного из четырех — Кирилла Обозного, а через Кирилла Георгиевича — еще и Владимира Степановича Контарева, расписавшегося когда-то на акте сдачи секретных документов в комендатуре города Островец.

Характерно, что герои описываемых событий отзывались не сами. О них вспоминали друзья по совместной борьбе против фашистских захватчиков, товарищи по работе в мирное время. Если Кирилла Обозного помог мне найти его брат по оружию — польский партизан Трофим Илларионович Чернявский, то теперешний адрес второго танкиста, Контарева, сообщил его земляк — донбасский шахтер Илья Степанович Дегтяренко. Прочитав в «Красной звезде» статью «Один из четырех», он буквально бегом побежал к своему соседу и другу Контареву, чья фамилия была названа там, и начал расспрашивать Владимира Степановича: где, в каких частях он сражался во время Отечественной войны?..

Контарев, ничего не подозревая, стал рассказывать о своем боевом пути. О том, как его 55-я танковая бригада громила немецких фашистов на польской земле. Как однажды вместе с экипажем танка он заживо попал в могилу и спасла их всех замечательная женщина, полька, имени которой он даже не успел узнать.

А вскоре пришла в редакцию весточка и от самого Владимира Степановича Контарева. Вот что он писал:

«Я никак не полагал, что кто-нибудь еще остался в живых. События, описанные в статье, действительно происходили со мной и моими товарищами. Жаль только, очень жаль, что не могу я вспомнить имени того, кто ценой своей жизни спас наши.

Помню, это был старшина. Он расквартировывал солдат, когда входили в какой-нибудь город или село. Третий наш товарищ называл себя «ординарцем». Но и его фамилию, как назло, я не могу вспомнить.

Дорогой товарищ Брайко, дайте мне адрес этой бесстрашной женщины, патриотки, которая, рискуя своей жизнью и семьей, спасла нас, трех советских воинов. Поистине она нам родная. А также прошу дать адрес Кирилла Георгиевича Обозного, который, оказывается, теперь чуть ли не сосед мне.

Тогда я служил в штабуправлении, и документы, позднее сданные нами коменданту города Островец, были поручены мне старшим лейтенантом Комаровым, имени и отчества не помню.

После того, как мы выбрались из своего укрытия, я опять был направлен в 55-ю танковую бригаду. И 31 марта был ранен в руку.

После госпиталя меня демобилизовали. Да, много можно рассказать о тех незабываемых днях и о том, как славная польская женщина под самым носом у фашистов кормила нас, совсем неизвестных ей советских солдат.

Хочется поклониться ей, этой храброй женщине, Казимере Цимбал, и сказать простое русское спасибо за то, что вернула Советской Армии бойцов, а их семьям — отцов и мужей.

Мне шестьдесят пять лет. Я живу в поселке Б. Платово, Луганской области. Работаю в колхозе «Украина». У меня шестеро детей. Все взрослые. И все мы благодарны редакции за то, что спустя двадцать с лишним лет она поведала бойцам, спасенным славной польской семьей, о том, что их спасительница жива и помнит их, как и они ее.

Итак, еще один из четырех найден!..

А буквально на следующий день в редакцию «Красной звезды» пришло письмо от самого молодого из них (ему было тогда девятнадцать лет), остававшегося до сих пор безымянным, которого Владимир Степанович Контарев назвал «орди-

нарцем». Это оказался Семен Емельянович Березин, ныне майор-танкист. Он сообщил ряд новых интересных подробностей.

«Дорогая редакция,— писал майор Березин,— я был участником этих событий. Я и есть один из четырех, имя которого вам неизвестно. Содержание обеих статей правильное. Могу добавить еще нижеследующее.

При совершении марша в тылу врага мы ворвались на одну железнодорожную станцию, которую полностью разрушили. Затем наскочили на немецкую колонну автомашин и тракторов и всю ее уничтожили. Немцы, спасаясь, попрятались в рожь. Наши солдаты, кто мог хоть немного управлять машиной, пересели на автомобили с трофеями и гнали их за танковой колонной.

В неравном бою у деревни Бодзыхув, как сказано в статье, наши танки были подбиты. Мы стали пехотинцами. Противник стрелял со всех сторон... Мне по ноге проехало колесом оружие. Двигаться я почти не мог. Немцы настигали.

Мы шли по колено в грязи, неся ящик с секретными документами, который передавали друг другу, как эстафету, вчетвером. Ни у кого не возникала мысль, чтобы оставить его. Берегли его, как боевое знамя.

Оказавшись в картофельной яме, мы его глубоко закопали. Ужасные муки, которые пришлось перенести за сто пятьдесят шесть дней пребывания в этой могиле, невозможно описать словами... Каждый час мы ожидали смерти. Часовой стоял круглые сутки около ямы, притом с собакой. Чтобы сбить с толку эту проклятую собаку, Казимера умудрялась тайком поливать керосином и посыпать табаком деревянный пол настила, стоило часовому отойти на минуту в другой конец двора... А когда и это перестало помогать, Казимера задушила немецкую овчарку собственными руками.

В этой страшной тюрьме капитан Обозный проводил с нами шепотом политбеседы. Вселял в нас бодрость.

Все трое мы жили одной целью — спасти документы и вернуться быстрее в Действующую армию. После выхода из этой норы, 12 января, мы попрощались с мамашей. Она дала нам белого хлеба, и мы пошли с партизанами в лес. Правильней было бы сказать не «пошли», а нас повели: мы ходить не могли. Нас вели под руки, два человека каждого. После этого мы стали учиться ходить на самодельных, из палок, костылях. Польские партизаны сняли с нас обмундирование, которое сгнило. Сбрили нам волосы. И все это пожгли. Одели нас в гражданское. Накормили.

Отношение польского народа к нашим солдатам было очень хорошее.

Несколько слов о себе. После этих событий я был направлен в Действующую армию, воевал в Германии. Фронтовые годы породнили меня с армией и особенно с танковыми войсками. Сейчас продолжаю службу в должности заместителя командира батальона в звании майора. Передаю свой боевой опыт молодому поколению.

В силе остается пословица: «Никто не забыт, ничто не забыто».

Дорогая редакция, у меня к вам большая просьба. Во-первых, помогите мне восстановить связь с нашей спасительницей Казимерой Цимбал и моими друзьями по оружию Обозным Кириллом Георгиевичем и Контаревым Владимиром Степановичем. Вторая убедительная просьба: помогите нам всем троим встретиться одновременно с нашей дорогой Казимерой Цимбал. Третья просьба: за самоотверженный поступок по спасению жизни советских воинов посодействуйте представить ее и мужа к правительственной награде. Они это заслужили».

И думается, майор Березин прав. Подвиг Казимеры Цимбал и ее семьи заслуживает высокой награды.

Эту мысль высказывали и многие читатели «Красной звезды», горячо отозвавшиеся на рассказ о событиях тех давних лет, и прежде всего однополчане спасенных Цимбалами танкистов.

Поистине причудливые ситуации возникают порой на войне. Опускаясь в картофельную яму, три танкиста рассчитывали спрятаться там от преследования гитлеровцев на несколько часов. Максимум до ночи. Но случилось невероятное...

Мне довелось не так давно читать отчет об интересном эксперименте советских ученых в области психологии, как ведут себя люди в замкнутом пространстве. Для этой цели поместили трех человек в специальную изолированную барокамеру объемом в десять кубических метров. Это были хоромы по сравнению с той ямой, где находились танкисты!.. Троице участникам эксперимента, которые провели в тщательно вентилируемой барокамере семьдесят суток, не угрожали, разумеется, ни смерть, ни пытки. В этом помещении можно было нормально питаться и даже заниматься физической тренировкой на установке, напоминающей велосипед, то есть люди могли жить почти в привычных условиях, занимаясь работой, ведя записи и т. п. И эта изолированная от внешнего мира жизнь уже через месяц сказала резко отрицательно на организме. Люди, подвергнутые опыту, потеряли сон. Их стали преследовать галлюцинации. Началась атрофия мышц.

Что же помогло выдержать гораздо более тяжкое испытание трем обреченным на смерть узникам, над которыми круглосу-

точно находились враги, циничные и жестокие, вооруженные до зубов?

Трех советских воинов спасли вера в победу своего народа, чувство долга, стремление снова попасть в родную часть, на фронт.

Чтобы выдержать такое испытание, не сломившись, потребовалась, конечно, большая стойкость. Но, вспоминая о пережитом, все три участника этой трагедии — Обозный, Контарев и Березин — прежде всего говорят о мужестве Казимеры Цимбал.

И это справедливо. Не только потому, что эта женщина спасла их. Но еще и потому, что долг солдата — высокий и нелегкий долг — стал нормой поведения для миллионов советских людей в годы Великой Отечественной войны. А Казимера Цимбал ведь никогда не была солдатом, она не была военнообязанной, не была даже соотечественницей тех трех воинов, ради которых жертвовала собой. И беспримерная самоотверженность, которую проявила польская труженица Казимера Цимбал, спасая советских танкистов и секретные документы, заслуживает высокой награды и большой, немеркнувшей славы.

Советское правительство высоко оценило подвиг Казимеры и Францишека Цимбал, наградив обоих орденами Отечественной войны (Францишека — посмертно).

По просьбе Кирилла Обозного, Владимира Контарева и Семена Березина Советский комитет ветеранов войны пригласил народную героиню Польши Казимеру Цимбал в Москву. Разумеется, сюда же, на встречу со своей спасительницей, приехали и наши «три танкиста».

Надо сказать, им всем, а вместе с ними и мне чертовски повезло. Буквально за несколько дней до этой радостной встречи, которой все мы ожидали с таким нетерпением, я вдруг узнал, что бывший командир 55-й танковой бригады, ныне генерал-лейтенант, дважды Герой Советского Союза Давид Абрамович Драгунский служит под Москвой и сам разыскивает меня, так как после опубликования в «Красной звезде» очерков о Казимере Цимбал посвятил судьбе спасенных ею танкистов целую главу в своей книге, которую сейчас пишет, вспоминая боевой путь 55-й танковой бригады.

И когда я сказал генералу, что Казимера Цимбал приезжает в Москву, чтобы встретиться со спасенными ею воинами, он обрадовался и предложил:

— Так давайте эту встречу проведем у наших танкистов, в Доме офицеров!.. Встреча с такой героиней, как наша Казимера Цимбал, будет для них очень важным событием!..

И вот наступил долгожданный день. Мы на перроне Белорусского вокзала столицы. С цветами встречают варшавский по-

езд Кирилл Георгиевич Обозный, Владимир Степанович Контарев, Семен Емельянович Березин. С ними вместе и тот, кто помогал когда-то Казимере и танкистам, попавшим в беду, а затем дал мне первую путеводную ниточку для розыска Кирилла Обозного,— бывший польский партизан Трофим Илларионович Чернявский, проживающий теперь во Львове.

Казимере Цимбал, или мамаше Казимере, как называют ее наши герои, уже семьдесят три года. Но она не побоялась дальней дороги. Так велико было ее желание повидаться с людьми, ради которых она рисковала всей своей семьей.

Понятно и волнение, с которым Обозный, Контарев и Березин ждут теперь встречи со своей спасительницей. С нетерпением смотрят они туда, откуда вот-вот должен появиться поезд.

Наконец к перрону подходит состав. Останавливается... Какими долгими кажутся сейчас секунды!.. Но вот из вагона выходит пожилая, еще крепкая с виду женщина с удивительно ясными, светлыми, лучистыми глазами и другая, помоложе, но похожая на нее,— дочь.

Обозный, Контарев и Березин узнали их сразу, подхватывают обеих под руки. Объятия, поцелуи, слезы...

Да, такие встречи в человеческой жизни бывают нечасто. Трудно передать, трудно даже представить себе, что чувствует в эти минуты каждый из них!.. Ведь тогда, 12 января сорок пятого года, темной ночью, они даже не успели как следует проститься, не то что поговорить.

Но зато теперь целыми часами будут они говорить о том незабываемом, что связало их в дни тяжелых испытаний узами братства на всю жизнь.

Казалось бы, мне, человеку, который долгие годы разыскивал всех героев этой истории, чтобы помочь им наконец встретиться, известно уже о каждом, и особенно о Казимере Цимбал, все. Но оказывается, скромность этой необычайной женщины настолько велика, что я час от часу восхищаюсь все больше и больше и Казимерой и всей ее семьей.

Только теперь, в Москве, когда встретились все три танкиста и помогавший им Трофим Илларионович Чернявский, мы узнали от него, что приехавшая с Казимерой дочь—Альфреда—была в годы войны партизанкой и тоже принимала самое активное участие в их спасении. Именно через нее, Альфреду, начальник разведки седьмого Радомского партизанского округа Армии Людовой Трофим Чернявский поддерживал связь с Казимерой и спрятанными в картофельной яме танкистами. В этом опаснейшем деле Альфреде помогала и ее шестилетняя дочь Марыся. Так как фашистские патрули тщательно обыскивали всех прохо-

жих на дорогах (ведь деревня Воля Груецка была в прифронтовой полосе), Альфреда для маскировки всегда брала с собой дочурку, пряча записки начальника разведки под стелькой туфельки своего ребенка.

Кроме того, Альфреда со своей подругой кормила и лечила еще шестерых раненых танкистов этой же 55-й танковой бригады, спрятанных партизанами Чернявского в старой, заброшенной шахте, в лесу, в двух километрах от Воли Груецкой. Но это уже, как говорится, совсем другая история...

Вместе с Альфредой партизанили и ее муж Тадеуш Ирек и ее брат Михал Цимбал. Такова эта семья — подлинных героев народной Польши. Самоотверженность была для них всегда нормой поведения.

Велики сердечность и теплота, с которыми общественность нашей столицы в лице заместителя председателя Советского комитета ветеранов войны генерала армии Тюленева, секретаря президиума этого комитета Героя Советского Союза Маресьева, известной летчицы, Героя Советского Союза Марины Чечневой и еще многих других встречала Казимеру Цимбал и Альфреду Ирек. Москвичи от души показывали дорогим гостям все самое лучшее, самое интересное, начиная от исторических сокровищ Оружейной палаты в Кремле и кончая различными павильонами на Выставке достижений народного хозяйства.

И знаменательны слова благодарности, которые сказала Казимера Цимбал:

— Москва, как мать, встречает все народы! И всем здесь хорошо.— Она помолчала, задумалась, и в ее добрых серо-голубых глазах появилась какая-то особенная теплота.— Даже незнакомые люди встречают меня здесь как свою родную!..

И это действительно было так. Всюду: и в театре, где Казимера Цимбал с дочерью смотрели спектакль, и в гостинице, где они поселились,— везде окружали их добросердечием, заботой и теплотой, потому что в лице этих двух простых польских женщин, крестьянки и работницы, москвичи видели как бы символическое отражение той поистине неоценимой дружеской помощи, которую оказывал нашей армии трудовой народ Польши.

Но, пожалуй, ярче всего запомнится Казимере Цимбал и ее дочери Альфреде встреча с офицерами-танкистами, обучающимися на курсах «Выстрел», которыми командует теперь дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант Драгунский. Это он в годы Великой Отечественной войны, будучи еще полковником, командовал 55-й танковой бригадой и долгое время счи-

тал пропавшими без вести танкистов, спасенных семьей Цимбал.

С хлебом-солью встречали теперь здесь, на «Выстреле», почетных гостей из Польши. У генерала Драгунского даже мелькнули слезы на глазах, когда он по-сыновьи обнимал старую женщину с орденом Отечественной войны и Кавалерским крестом возрождения Польши на отвороте скромного черного жакета.

В огромном актовом зале в тот вечер, что называется, яблоку негде было упасть. Шумные аплодисменты, приветственные возгласы, блестящие праздничным оживлением сотни молодых глаз... Волнующими были слова выступавших, вылившиеся в демонстрацию самых искренних и крепких братских чувств польского и советского народов. И, слушая эти горячие, от самого сердца идущие слова, обращенные к Казимере Цимбал и ее дочери, ко всему трудовому народу новой, социалистической Польши, я невольно думал: да, фигура этой простой женщины стала для нас поистине символической. И если бы наше правительство решило учредить какой-либо памятный знак в честь советско-польской дружбы или медаль за спасение советских воинов, то все участники этой незабываемой встречи с радостью предложили бы, чтобы на этой медали или памятном знаке был запечатлен облик доброй и мужественной польской женщины — Казимеры Цимбал.

Безгранична была благодарность воинов, спасенных Казимерой. Каждый из них считает свой дом и ее домом, домом всей их семьи.

Ну, а после этого незабываемого вечера наши польские гости и остальные участники этой истории отправились все по приглашению Кирилла Георгиевича Обозного в Сумы. Сумчане уже давно полюбили и с нетерпением ждали Казимеру Цимбал и ее дочь. Встречать их пришла не только семья Обозных, не только близкие и друзья, — буквально все ветераны войны, живущие в городе, вышли в то утро на перрон. Они принесли к поезду столько цветов, что весь перрон превратился в сад...

Вот чем завершился поиск, начатый газетой «Красная звезда» 9 сентября тысяча девятьсот шестьдесят седьмого года очерком «Кто вы, четыре танкиста?». Жаль только, имя четвертого, который ценой своей жизни спас трех своих товарищей по оружию, пока еще установить не удалось. Но со временем, надеюсь, будет найдено и это недостающее звено в цепи незабываемых событий далекого уже, но памятного всем военного времени...

«ФОРЗИХТИГ, КОЛЬПАК!»

Это было 6 марта сорок четвертого года, вскоре после нашего прихода на оккупированную Гитлером польскую землю. Свое появление здесь мы, ковпаковцы, отметили громко, можно сказать, с треском. В одну ночь и в один час на двухсоткилометровом пространстве мы взорвали все мосты на железных и шоссейных дорогах, идущих из Германии на восток, к Львову. Подступы к этому крупнейшему транспортному узлу в то время уже с трудом удерживала брошенная специально из резерва ставки 4-я танковая армия немцев, штаб которой, кстати сказать, вспугнули и заставили бежать из Брод мы же, ковпаковцы.

И хотя всего несколько месяцев назад гитлеровскими генералами было официально объявлено о ликвидации «крупной банды Кольпака» в Карпатах, фашистское командование по почерку поняло, что оно снова имеет дело с ковпаковцами.

К тому же наш удар по вражеским коммуникациям совпал с нападением польских партизан на поезд, в котором следовал из Кракова в Люблин сам гаулейтер Польши доктор Франк. Разгневанный наместник Гитлера принял, видимо, и эту засаду тоже за дело рук ковпаковцев. Он решил разделаться с нами.

Буквально на следующий день доктор Франк бросил против нас сразу три эсэсовских дивизии, все полицейские охранные батальоны, танки, артиллерию. Напустил на нас всю свою разведку, всю агентуру...

Оккупантам удалось обнаружить нас в Билгорайском лесном крае.

Как раз в эти дни Вершигора, сменивший после Карпатского рейда раненого Ковпака, проводил реорганизацию ковпаковского соединения в Первую Украинскую партизанскую дивизию, которая отныне стала носить имя своего создателя — дважды Героя Советского Союза Сидора Артемовича Ковпака.

Утром 26 февраля гитлеровцы навалились на дивизию, сразу на все три ее полка: в Кособудах, Шевне, Зажече и Вепщеце.

Пришлось новорожденным полкам в первый же день существования дивизии принять боевое крещение. Выдержали мы его с честью: почти не понеся потерь, разгромили несколько батальонов эсэсовцев. Дивизии удалось оторваться от противника, навалившегося на нас со всех сторон, и уйти в южную часть Билгорайского лесного края.

Но свежие полчища доктора Франка кинулись вслед, пытаясь окружить нас и уничтожить.

Вот почему мы, стремительно маневрируя и ведя короткие

отчаянные бои, уже неделю петляли по южной части Люблинского воеводства, стараясь оторваться от карателей.

Лесистая местность позволяла запутывать следы. Но как мы ни изворачивались, как ни стремились оторваться от противника, куда бы ни уходили за ночь, наутро фашисты обнаруживали нас.

И тогда у Петра Петровича Вершигоры возник дерзкий план: совершить ночной марш-маневр, создав видимость, будто мы ушли на запад, а самим махнуть на северо-восток, под Замостье, в тот самый лес, где войска рейхсминистра Франка уже атаковали нас неделю тому назад.

Рано утром 6 марта мы вскочили в северо-восточный выступ Билгорайского лесного массива, подступающего мысом с юго-запада почти к самому местечку Замостье.

Расположились, как и в прошлый раз: первый полк — в Кособудах, второй — в Шевне, третий, которым командовал я, — в Зажече и Вепшеце.

Почему же командование дивизии рискнуло снова вернуться именно в эту часть Билгорайского лесного края и остановиться именно в этих селах? Ведь нас уже однажды пытались разбить там каратели!

Петр Петрович Вершигора и его молодой, но опытный начальник штаба Василий Войцехович, или, как его все любя называли, просто Вася, рассуждали так: немцы, изучившие тактику партизан, хорошо знают, что мы почти никогда не ходим дважды по одному и тому же маршруту, не останавливаемся вторично на дневку в одном и том же месте, и, следовательно, фашистам даже в голову не придет, что мы снова вернемся сюда.

Таким образом, будет дана передышка людям. Ну, а если, на худой конец, гитлеровцы и здесь обнаружат дивизию, тогда надо дать им такой бой, после которого они минимум день-два будут не в состоянии преследовать нас.

За эти два дня мы сумеем уйти далеко, и войска доктора Франка отвяжутся от нас совсем.

С тактической точки зрения наиболее подходящим местом, где можно было основательно дать по зубам этой волчьей стае, был, по мнению нашего начштаба Войцеховича, лес в районе Кособуд. Все преимущества рельефа местности были учтены Васей Войцеховичем, опытным геодезистом.

То, что район известен немцам, Вершигору и Войцеховича не пугало.

— Пусть!.. Немцы помнят, где мы били их в прошлый раз, но они не знают, где и как мы будем бить их теперь!.. — решил Вершигора.

Об этом замысле своего командования никто, в том числе и командиры полков, в то мартовское утро еще ничего не знал. У ковпаковцев был неписанный закон: подчиненные никогда не спрашивали командира, куда и зачем он их ведет. Все знали: раз он ведет, значит, надо. Задачу партизанам ставили непосредственно перед боем, перед разведкой, в общем, перед делом.

Подчиненные вверяли жизнь своему командиру и всегда шли за ним — в огонь и в воду. Вполне понятно, до тех пор, пока этот командир оправдывал доверие. На авторитете командира и держалась дисциплина — в этом заключался секрет успеха в бою.

Еще вечером, получив приказ на марш и увидев, что мы снова идем в район Кособуд и располагаемся точно в тех же населенных пунктах, что и в прошлый раз, я в душе даже обрадовался: уж очень удобный для обороны рубеж достался моему третьему полку! Лучшего и не придумаешь. Ведь тогда шестой батальон Андрея Цимбала буквально шутя, за полчаса расстрелял в походной колонне почти два батальона эсэсовцев, спешивших в лес, на уничтожение партизан; ликвидировал два танка и бронемашину, не потеряв при этом ни одного человека.

И, ставя теперь задачу на марш, я, не раздумывая, объявил своим комбатам:

— Расположимся, как в первый раз: ты, Андрей Калинович, — обратился я к командиру шестого батальона старшему лейтенанту Цимбалу, — в деревне Вепшец...

— Ясно, — вытянулся по-военному Цимбал, и лицо его расплылось в довольной улыбке.

— А ты, Саша, — кивнул я по-дружески своему любимцу Берсеневу, выросшему у нас на глазах от рядового разведчика до командира седьмого батальона, — будешь в Зажече.

Тот молча подмигнул мне в ответ: дескать, все ясно, товарищ командир. Этот молчаливый богатырь разговаривал только тогда, когда сам ставил задачу подчиненным или докладывал обстановку. В остальных случаях Саша ограничивался особым прищуром глаз, говорившим очень многое: и то, что задача им понята, и то, что можно не беспокоиться — все будет сделано, как надо.

«Саша» — это партизанское имя, с которым Берсенев пришел в отряд. О том, что он Ефрем Елисеевич, я сам узнал только лет десять спустя после войны. Так Берсенев и остался для всех партизан-ковпаковцев Сашей...

Осмотрев местность, я остался доволен тем, как расположились оба батальона. (Полки у нас были двухбатальонного со-

става. Пятого батальона в дивизии не было: цифра «пять», хоть это покажется теперь смешно или даже невероятно, и при Ковпаке и при Вершигоре считалась невезучей.)

У нас в полку был обычай: останавливаясь на дневку, прежде всего готовились к встрече незваных гостей. Оборону всегда строили так, чтобы противник, откуда бы он ни появился, обязательно попал в засаду. Там его, как правило, и уничтожали, не дав очухаться. Если не сумеет партизанский командир удачно выбрать рубеж, если раскроет себя преждевременно и тем самым даст возможность наступающему противнику развернуться в боевой порядок, пиши пропало!..

Нашему третьему полку, расположившемуся в селах Вепшец и Зажече, прямо-таки повезло: подступы к лесу с севера и северо-востока — со стороны Замостья, откуда гитлеровцы могли появиться прежде всего, — были защищены болотом. К тому же неделю назад, будто по заказу партизан, вдруг резко потеплело, и это болото сразу превратилось в огромное грязно-белое озеро, простиравшееся на несколько километров.

Через это самое озеро в Вепшец и Зажече, где расположился третий полк, из Замостья узкой серой лентой тянулась всего одна булыжная дорога, возвышавшаяся на полметра над водой. Этой-то дорогой и рискнули прорваться в лес немцы утром 26 февраля, когда Цимбал одной только ротой расстрелял в упор два батальона пехоты, уничтожил два танка и бронемашину...

К батальону Берсенева, расположившемуся в Зажече, танки вообще не могли подступиться. Единственную дорогу, ведущую к нему, перекрыл батальон Цимбала.

«Умеет все-таки наш начштаба Вася Войцехович так искусно размещать нас на дневки, что в случае боя местность сама воюет за нас», — подумал я.

Вот и здесь Войцехович расставил полки так, что уже самим своим расположением они занимали круговую оборону, не допуская прорыва противника в центр леса, к штабу и тыловым подразделениям — с севера, востока и юга.

На западе занимаемый нами лесной «аппендикс» примыкал к громадному зеленому массиву, который служил неплохой защитой. Здесь был запасной выход: партизаны, как учил нас комиссар Руднев, прежде чем войти в какую-либо «обитель», должны подумать, как им выбраться из нее, чтобы не попасть в ловушку.

Эта западная часть леса была менее доступна для противника, и она контролировалась только нашими кавалеристами.

* * *

Я уже хотел было отпустить комбатов и пойти посмотреть, как расположились хозяйственная и санитарная части, но вдруг подошли взволнованные минеры. По указанию Цимбала они только что напичкали противотанковыми минами булыжную дорогу, идущую из Замостья в Вепшец. У одного из минеров, делового, всюду поспевающего низкорослого Гриши Козлова, под мышкой был березовый столбик с табличкой, какие ставят саперы всех армий на дорогах.

— Смотрите, что мы нашли на обочине дороги, у крайней хаты! — сказал Гриша, протягивая мне табличку.

На ней было написано крупным черным латинским шрифтом: «Форзихтиг, Кольпак!»

Очевидно, табличка была оставлена здесь после первого боя с немцами.

— Сначала мы думали, что это немецкие минеры оставили своим войскам предупреждение о минах, — пояснил Гриша. — Но зачем тут ставить мины? Присмотрелись мы, подошли ближе — оказывается, это фрицы предупреждают своих, что здесь мы, ковпаковцы. «Осторожно, Кольпак!».

— Значит, бояться нас немцы, — сказал Цимбал, и лицо его расплылось в широкой улыбке (лицо у него вообще было на редкость добродушное).

— Здорово же ты их напугал тогда, Андрей! — заметил Берснев.

— Почему я? — возразил Цимбал. — Мой командир роты, лейтенант Скопенко. — И тут же обратился, уже деловым тоном, к минерам: — Ну как, все сделали?

— Так точно! — ответил за всех Козлов. — Как вы сказали: поставили шесть мин метрах в двадцати пяти от дома.

— Молодцы! — похвалил минеров комбат, верный своей тактике: подпустить врага как можно поближе, чтобы затем внезапным огнем — в упор — уничтожить без остатка.

«Да, неплохо оценивают нашу работу оккупанты, — думал я, слушая этот разговор. — Дед Ковпак уже живет в освобожденной столице Украины, подлечивает ранение и работает на новой, высокой мирной должности. А фрицы при одном его имени содрогаются даже тут, в Польше. Под каждым кустом им мерещится дед Ковпак!.. Значит, Вершигора умело перенял хитрый дедов почерк: оказался достойным учеником Ковпака».

Командирам я сказал:

— То, что нас немцы боятся, — хорошо. Но пожаловать к нам сегодня они все же могут. Поэтому надо основательно подготовиться к встрече, чтобы назад не ушли. Продумайте все.

Организуйте наблюдение и разведку. Кормите людей и дайте им хоть немного отдохнуть.

Санчасть и хозчасть полка я расположил примерно в полутора километрах юго-западнее Зажече — в хуторе Скарашуве с разбросанными, как горох, усадьбами вдоль лесной дороги. Обоз и лошадей жители попрятали под свои навесы, в сараи. Так что увидеть нас с воздуха вражеская авиация при всем желании не могла.

Около раненых хлопотали девушки-медсестры. Им помогали хозяйки. Польские женщины встречали советских партизан как родных. Они очень жалели раненых, искали для них бинты, а если не было бинтов, пускали в ход чистые простыни. Отдавали раненым молоко, масло, творог — словом, не жалели ничего, лишь бы облегчить страдания хлопцев.

Когда я появился в санчасти, всех раненых интересовал один вопрос: дадут ли немцы хоть сегодня спокойно отдохнуть?

Я понимал: раненые в условиях марша терпят страшные мучения. Ночью, в бездорожье, мы зверски трясли их на повозках. А днем, слыша грохот боя, хлопцы эти страдали от неизвестности, опасаясь не только за свою жизнь, но и за судьбу всего полка и даже всей нашей дивизии.

— Если не полезут опять, постоим еще денек-другой... А полезут, — развел я руками, — придется тогда долбануть их и снова уходить. Но по секрету могу вам сказать, — добавил я, почему-то вспомнив про табличку, найденную минерами, — фрицы нас боятся здорово. Даже на дорогах надписи оставляют: «Форзихтиг, Кольпак!», то есть «Осторожно, Ковпак!».

Хлопцы сразу оживились: их тоже удивила и рассмешила эта надпись.

Часам к десяти утра добрался я наконец на свою штабквартиру. Съев горячий завтрак, который вместе с нашим партизанским поваром приготовила на весь полковой штаб приветливая хозяйка, я сразу ощутил усталость. Глаза слипались: ведь я, как и все, почти совсем не спал уже неделю.

«Часок вздремну, — сказал себе, — а потом съезжу в штаб дивизии, узнаю новости».

Только снял сапоги и прилег, одетый, на кровать, как скрипнула дверь и вошел начштаба полка капитан Абрамов.

— Первый полк уже воюет, — сказал он спокойно, садясь за стол.

Сон как рукой сняло. Я вскочил, обулся, затянул ремень. Вышел во двор. В лицо ударил весенний свежий ветер. Тучи рассеялись, и по небу поплыли теперь легкие, прозрачные облака. Проглядывало солнце. «Плохо, — подумал я. — Теперь обязательно жди авиацию».

До слуха сразу донеслись отдаленные пулеметные очереди и взрывы мин. Бой шел где-то за Кособудами, в расположении первого полка, стоявшего южнее нас километрах в десяти.

«Значит, нашли нас, сволочи, и тут!»

Примерно через полчаса послышался отдаленный бой и точнее, в районе Шевни... «Полезли и на полк Кульбаки,— понял я.— Теперь надо ожидать гостей и нам. Интересно, откуда же они полезут сегодня?..

Вышедший вслед за мной начальник штаба остановился посреди двора и вопросительно посмотрел: что, мол, будем делать?

А что я мог ему сейчас сказать? Нам оставалось только ждать.

Ждать долго не пришлось. Вскоре примчался верхом связной от Цимбала.

— Товарищ капитан! Немцы! — выпалил он.

— Где?

— Идут по дороге из Замостья.

— Ну?.. А я думал, они за тобой гнались.

Он смутился.

— Хорошо, я иду...— И, повернувшись к своему начштаба, Сергею Абрамову, я сказал: — Оставайся пока здесь.

Андрея Цимбала нашел у крайнего строения села, справа у дороги. С ним был командир второй роты лейтенант Скопенко. Комбат, не отрываясь, смотрел в бинокль.

— Что, опять лезут?

— Как и в тот раз!..— ответил комроты.

— Пусть идут! — не поворачиваясь к нам, ответил Андрей Калинович.— Обрато они уже не уйдут!..

«Неужели немцы опять повторят ту же глупость? Неужели им недостаточно было одного урока?.. Что это: самоуверенность или тупость?..— недоумевал я, рассматривая медленно двигающуюся по узкой серой ленте булыжника вражескую колонну.— Ведь эта дорога — словно мостик на воде!»

— Товарищ комбат! — обратился Скопенко к Цимбалу.— Смотрите, они остановились!..

— Вижу,— ответил Андрей так же спокойно. Бинокль был ему уже не нужен: колонну мы хорошо видели.— Боятся, гады! Чувствуют, что их здесь ждет!

Мне всегда нравилась уверенность Цимбала, привыкшего еще до войны — на границе — действовать самостоятельно и быстро. Но какое-то шестое чувство подсказывало: сейчас немцы остановились неспроста. Что-то они замышляют!.. А вот что?

Внезапно справа, позади нас, у самой опушки леса, в расположении седьмого батальона, застрочил «Максим». Его тут же

поддержало несколько «дегтярей» и автоматов. Сразу все слилось в общий гул, раскатившийся далеко-далеко, по всему лесу.

Замершая было вражеская колонна зашевелилась опять на серой ленте булыжника.

«Ах, вот почему они остановились! — догадался я. — Ждали, пока те зайдут в тыл и расчистят путь».

Цимбал был по-прежнему невозмутим. Он знал: огонь открывать должен после взрыва первой противотанковой мины. А мины эти по его указанию были заложены в двадцати пяти метрах от замаскированной в окопах роты Скопенко.

— Андрей! Делай все так, как в прошлый раз. И обрати внимание на лес, чтобы тебя не обошли. Я побегу к Саше Берсеневу.

* * *

Когда я прибежал к Берсеневу, седьмой батальон вел уже бой. Сашу нашел почти у самой опушки леса, за земляным валом. Рядом было еще несколько разведчиков.

Огромный, по-медвежьи косолапый, в расстегнутой меховой безрукавке и шапке-ушанке, в том самом виде, в каком его захватила первая очередь нашего пулемета, Саша Берсенев сейчас спокойно посылал короткие автоматные очереди в сторону леса. С таким невозмутимым выражением лица садовники опрыскивают деревья в саду, уничтожая всякую нечисть.

— Что тут у тебя стряслось, Саша? — спросил я.

Дав еще несколько очередей, он повернулся ко мне и, сдвинув на затылок свою лохматую рыжую шапку, выдохнул:

— Немцы... до черта! Понимаешь, Петр Евсеевич?.. Внезапно вывалились прямо из леса. Я никак не ждал!..

Глаза у него были красные от бессонницы и виноватые. Я понял: Саша впервые в жизни прошляпил. Наверное, его свалил сон.

А он продолжал:

— Не ждали... совсем не ждали мы их отсюда, Петр Евсеевич! Такое болото!.. А они прямо из леса вывалились целым батальоном, если не больше. Выручил всех, спасибо ему, мой взводный Коля Шпаков... Молодец! Спас батальон!.. Посмотрите! — Берсенев показал рукой в ту сторону, куда посылал очередь за очередью.

На опушке леса, в голом, редком кустарнике, кучами лежали трупы фашистских солдат.

Теперь, много лет спустя, можно уже с улыбкой рассказывать о том «чепэ», главным героем которого стал веселый черноглазый партизан Коля Шпаков.

А случилось вот что.

Расположившись в крайней хате, Николай со своими хлопцами сел завтракать. И тут им захотелось погреться: после ночного марша все промокли, продрогли.

— А есть чем? — Николай веселыми глазами обвел хату.

— В том-то и дело, что нет!

— Товарищ командир! А «Максим»-то наш спиртом залит! Разрешите грамм двести отлить! Водой потом дольем. На дворе сейчас уже тепло, не замерзнет!..— предложил кто-то.

Николай рассмеялся и махнул рукой:

— Ладно, давай!

Кто-то бросился с кружкой во двор к пулемету, стоявшему на санях.

— Стой! — остановил Николай.— Тащи пулемет сюда, я сам отолю, сколько надо.

Через минуту хлопцы, посмеиваясь, втащили пулемет в хату, поставили его на скамью. Николай отвинтил пробку кожуха и стал осторожно отливать спирт в кружку.

Не успел он нацедить и полкружки, глядь в окно, а из лесу прямо на их дом идут толпою немцы — уже метрах в пятидесяти.

— Ребята, фрицы! Быстрее коробки с лентами!

И стал торопливо закручивать пробку в кожухе.

Хорошо, что пулеметные ленты были рядом — во дворе, который выходил на улицу, и немцы не могли видеть всей этой беготни.

Повернув пулемет, Николай разрядил ленту по идущим к дому фашистам. Хлопцы поддержали его огнем из автоматов. Пока немцы опомнились, в бой вступила рота... Ну, а к моменту моего прихода уже весь батальон Берсенева, поднятый по тревоге Шпаковым, вел бой.

Немцы лезли непрерывно. Черт его знает, откуда они брались!

— Ну как, Саша? Устоишь или тебе помочь? — спросил я у Берсенева.— Может, послать роту в тыл немцам?

— Ничего, сам справлюсь! Хоть их и много, но пока в деревню ни один еще не зашел. Всех на опушке положили... А теперь и подавно не войдут. Я послал им в тыл Виктора Жукова со взводом разведчиков. Он пугнет фрицев. Думаю, поуспокоятся малость,— объяснил он неторопливым уральским говорком.

Ходить в такие засады, как Жуков, Берсенов и сам был мастер — это я хорошо знал по Карпатскому рейду: сам посылал

его тогда. Теперь комбат обучил этому дерзкому искусству своих младших командиров.

Раздался взрыв в той стороне, где держал оборону Цимбал. «Мина», — понял я. Вслед за этим взрывом заухала наша сорокапятка, ей гулко завторили ПТР. Затем дружно ударили пулеметы и автоматы. Вслушиваясь в эту какофонию, я с удивлением определил: немцы молчали. Неужели Цимбал сумел и на этот раз накрыть их колонну, не дав ей сделать ни единого выстрела?

Расстояние до Цимбала было метров восемьсот. Когда я пришел к нему, на дороге у околицы села дымились три вздыбленных взрывами танка, загородив путь карателям. Впрочем, наступать на нас они все равно уже не могли: добрая половина колонны лежала замертво на дороге, не успев даже развернуться — ведь кругом была топь. Последние роты в панике убежали к Замостью. По ним-то сейчас и строчили пулеметчики Скопенко. Автоматчикам уже делать было нечего: огонь их автоматов не доставал убегающих немцев.

— Я ж говорил, шо обратно воны нэ уйдуть!.. — переходя на свой родной украинский язык, сказал Скопенко и улыбнулся.

Больше по этой дороге немцы наступать уже не пытались. И вообще на Цимбала во второй раз никто в атаку не лез.

* * *

Атаки на батальон Берсенева не прекращались ни на минуту. Через каждый час или два из лесу, словно волны на берег, выкатывались все новые и новые роты, батальоны...

Было ясно: противник отказался от попытки прорваться в расположение партизан по дороге на Вепщец и теперь, перегруппировав свои силы, пытается во что бы то ни стало прорваться в лес, в расположение партизан, через поселок Липско и Зажече, обходя болото с восточной стороны.

Но и здесь немцы тоже натолкнулись на непреодолимую преграду — батальон Берсенева.

В отличие от Цимбала Берсеневу пришлось обороняться в населенном пункте, а не на подступах к нему. И хитрый Саша (такой хитрости я не подозревал в его широкой, простодушной натуре) сумел за каких-то два часа, если не меньше, подготовить своих людей и дома, которые они занимали, для упорной обороны. Каждый дом он превратил в неприступную огневую точку, а все растянувшееся вдоль леса село Зажече — в своеобразный опорный пункт. (Все местное население Берсенева успел вывести в безопасную зону.)

Как ни пытались немцы овладеть хотя бы одним домом, у них ничего не получалось. Только выходили на опушку — их встречали губительным огнем.

Во второй половине дня немцам удалось все же захватить несколько домов. Но едва они заняли их, как оказались под перекрестным огнем партизан.

Немцы открыли минометный огонь по Зажече. Однако сразу же прекратили его. Мины поражали в основном своих же солдат, потому что расстояние между партизанами и противником было всего несколько десятков метров.

Меня удивляло: почему здесь нет немецкой авиации? Я был рад этому. Но опыт подсказывал: вот-вот в небе появится зловещая «рама».

И в самом деле, через некоторое время привычный слух уловил гул моторов в воздухе. Вскоре над нами, со стороны Замостья, где находился аэродром, появился не самолет-разведчик, а огромный шестимоторный транспортный «юнкерс». На бреющем полете он стал кружиться над нами. На втором заходе пулеметчики Цимбала дали ему по хвосту. Машина вспыхнула, задымила и, как подбитый коршун, пошла на посадку.

Через несколько минут послышался глухой раскатистый взрыв, и за частоколом леса поднялся черный столб дыма.

До сих пор не пойму: для чего кружился этот транспортник над нашими головами?.. То ли немцы хотели испугать, то ли пытались высмотреть боевые порядки.

...Уже на землю спускались сумерки, а немцы не прекращали атак. И не только на третий полк. Слышен был гул напряженного боя и юго-западнее, в Кособудах, где дрался полк Давида Бакрадзе. Доносились пулеметные очереди с юга — из Шевни... Сражение разыгралось почти на двадцатипятикилометровом фронте.

Не слышно было стрельбы только на западе, оттуда немцы почему-то не пытались наступать: они боялись углубляться в лесные дебри. Хотя если разобраться по-настоящему, то это была с их стороны глупость: надо было наносить главный удар именно оттуда, с запада, чтобы выгнать партизан из леса на открытое пространство. Я все время опасался этого.

К счастью, этого не произошло.

Я ждал, что с наступлением темноты противник прекратит атаки, и мы сможем оторваться от него. До сих пор каратели всегда уходили к ночи сами. Но сейчас было уже 22.30, а они все наседали...

Но то, что немцы не уходят, меня беспокоило меньше, чем то, что не уходили мы. «Почему здесь торчим? Почему до сих пор нет приказа на марш из штаба дивизии? Ведь если мы оста-

немся здесь до утра, за ночь немцы подтянут свежие силы, и нам придется солоно. Боеприпасы почти на исходе».

В 23.00 примчался связной от Вершигоры — Володя Короткий.

— Что? Приказ на марш? — обрадовался я.

— Нет, — покачал он головой. — Пока не нашли выхода. Лес блокирован. На всех дорогах и просеках — танковые засады, — добавил шепотом. — Ищут, где можно пройти.

«Так вот почему немцы не оставляют нас в покое! Считают, что окружили. Решили продержаться любой ценой здесь до утра, чтобы днем покончить с нами!..»

Положение было незавидное: мы, кажется, действительно попали в «мешок». Впрочем, сколько раз уже оказывались в таких «мешках»: на Сумщине и на Брянщине, в Белоруссии, где однажды по специальному плану гитлеровской ставки нам был приготовлен в междуречье Днепра и Припяти даже так называемый «мокрый мешок». Затем окружение в Карпатах, где на нас обрушилась целая дюжина гитлеровских дивизий под командованием генерала Крюгера.

Само слово «окружение» ковпаковцев уже давно не пугало. Мы относились к нему даже с юмором. Да и каким окружением испугаешь людей, которые уже четвертый год воюют на территории, занятой врагом, и почти каждый день попадают в такие переплеты?.. Враг был кругом все время, вопрос заключался лишь в том: как перехитрить его?

Лично для меня само слово «окружение» имело магически страшный смысл только однажды: в сентябре сорок первого года под Киевом, когда остался без боевых товарищей, без маршрута, без карты, без точной цели, с одной только верой, что я должен любыми средствами найти все это, чтобы выполнить свой долг перед Родиной.

И дед Ковпак, которого я встретил на Сумщине, научил меня, а вместе со мной и еще многих смотреть на немецкое «окружение» с иронической улыбкой: мы были хозяевами на своей земле. И фашистские оккупанты боялись нашего окружения больше, чем мы их. Потому что за партизанами стоял весь народ.

* *
*

А между тем село Зажече почти все уже было объято огнем. Роты Берсенева, скрываясь за горящими хатами, продолжали расстреливать ворвавшихся в Зажече фашистов.

Сам Берсенов, одетый в плотную, красновато поблескивающую кожаную куртку, маскируясь в тени домов, охваченных

пламенем, незаметно для немцев перебирался от одной группы партизан к другой, руководя боем. Меня поразило искусство, с каким Саша использовал игру света и тени во время пожара, оставаясь неуязвимым.

— Ну как ты тут? — спросил его.

— Ничего, справляюсь!

— Потери есть?

— Пока нет.

Я очень обрадовался, хотя не понимал: как он умудрился в таком аду за целый день не потерять ни одного человека?..

...Около полуночи снова примчался из штаба дивизии, разместившегося вместе с первым полком в Кособудах, Володя Короткий.

Он резво осадил лошадь, вырвал из-за борта немецкой серо-зеленой куртки пакет.

— Товарищ капитан, приказ на марш.— И добавил тише: — Начальник штаба передал, чтоб не задерживались ни минуты.

Затем наклонился прямо к моему уху и шепнул:

— Те полки уже снялись, оставив небольшие заслоны.

— А по какой дороге пошла колонна?

— Я провожу.— И, оглянувшись по сторонам, он снова шепнул мне: — Колонну повел без дороги, лесом один здешний старик, поляк.

Обоз мой уже часа два как был готов к маршу. Он стоял прямо на дороге, ожидая команды. Шестой батальон мог в любую минуту двинуться в путь. А вот седьмому, который вел бой, надо было как-то оторваться от противника, чтобы он ничего не заметил.

— Как, сумеешь? — спросил я Берсенева.

— Сделаем,— сказал он.— Фрицы стали спокойнее. Недавно вернулся со своими разведчиками Жуков Виктор. Я посылаю его посмотреть, что делают немцы. Говорит: болтают и стреляют куда попало...

«Ага, создают видимость наступления, сковывают нас! Ну ничего, мы тоже умеем создавать видимость!»

Жуков доложил Берсеневу еще одну важную новость. В Зажече следовала колонна, около батальона пехоты. «Это немцы сосредоточивают свежие силы к утру»,— отметил я мысленно.

Разведчики Жукова, ловкого и бывалого парня, внезапно обстреляли эту колонну из засады. Немцы разбежались...

Оставив отделение Алесича с лошадьми и приказав ему для отвода глаз еще час-полтора пострелять по немцам, Берснев незаметно снял батальон.

Колонна двинулась за связным. Метров через четыреста —

пятьсот мы свернули в лес и пошли по свежему следу, оставленному основной колонной дивизии.

Снег там, где прошли наши, превратился в жижу. След все время петлял по изрезанному оврагами лесу. Казалось, сам черт здесь ногу сломит. Но кто-то очень ловко вел нас, обходя опасные для партизан места: просеки, перекрестки, дороги, на которых нас караулили танковые заслоны.

Я ехал верхом рядом со своим связным Володей Коротким. Любил я его, черт возьми! Спокойный, веселый, красивый, с девичьими, всегда улыбающимися голубыми глазами.

— Какой чудесный здесь народ! — рассказывал он, чуть покачиваясь в седле. — Ведь если бы не этот старик, нам крышка! Вершигора, весь штаб, разведка прямо с ума сходили: как нам вырваться из ловушки? Облазили дороги, просеки, тропинки — везде немецкие танки!.. Казалось, все! Нет выхода. И вдруг поздно вечером приходит в штаб этот старик... и говорит: «Я вижу, вам бардзо тяжко! Зо всех сторон окружили вас швабы. Но я могу вас вывести из этого леса так, что ни один шваб не зобаче! Я лесник и знаю этот лес, как свой двор!..»

Тогда мне так и не довелось увидеть этого славного старика. Только спустя тринадцать лет, находясь в братской Польской республике, в гостях у своих друзей по оружию, польских партизан, я разыскал этого замечательного, на диво крепкого, прямого старика, которому мы все, ковпаковцы, обязаны спасением. Зовут его Станислав Сажинский. Солдат русской армии, он еще в первую мировую войну сражался против кайзеровской Германии. Рискуя своей жизнью, Сажинский помог нам, советским партизанам.

К рассвету он вывел дивизию из ловушки.

Немцы, наверное, так бы и не узнали до утра, что мы ускользнули из плотно блокированного ими Кособудского леса, если бы мы час спустя не столкнулись снова с вражеской автоколонной на шоссе Звежинец — Замостье и не сожгли ее, а вслед за ней и стоявший на станции Журавница эшелон с танками. Но это уже история совсем другая, относящаяся к другому дню — следующему дню войны...

А я хочу закончить историю про табличку. Возле самой станции Журавница мы вдруг опять увидели точно такую же, как вчера, с немецкой надписью: «Форзихтиг, Кольпак!». Она была точь-в-точь такая, как та — в Вепшеце, где Цимбал уничтожил несколько батальонов противника. И я даже подумал на какое-то мгновение, что хлопцы для смеха прихватили ее с собой.

Но на телеграфном столбе, стоявшем у шоссе, висела другая, такая же, предупреждавшая всех гитлеровских вояк об опасности.

Увидев эти таблички, наши хлопцы дружно заржали, обмениваясь разными острыми словечками:

— Вот тебе и «форзихтиг»!.. Драпайте, фрицы, из Польши поскорее!..

— Ребята, мы, кажется, приобретаем международную известность!..

Это была просто шутка.

Но сейчас я очень жалею, что никому из нас не пришло тогда в голову взять одну такую табличку с собой. Среди многочисленных экспонатов в музеях партизанской славы она по праву заняла бы почетное место.

СОДЕРЖАНИЕ

Верный друг	3
Женщина и смерть	11
«Форзихтиг, Кольпак!»	31

Петр Евсеевич Брайко

ЖЕНЩИНА И СМЕРТЬ

Редактор — **П. А. КРАВЧЕНКО.**

Технический редактор **Я. М. Борисов.**

Сдано в набор 15/III 1971 г. А 00892. Подписано к печати 4/V 1971 г.
Формат бум. 70×108^{1/32}. Объем 2,10 условн. печ. л. 2,92 учетно-изд. л.
Тираж 100 000. Изд. № 1090. Зак. № 760.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина,
Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.